

Kolejka, Josef

[Славянская идея в период между двумя мировыми войнами]

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 109-149

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119622>

Access Date: 02. 03. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Свержение царизма в России, падение габсбургской монархии и изгнание прусских Гогенцоллернов, с одной стороны, — возникновение Советского Союза и размах революционного рабочего движения в центральной и юго-восточной Европе, с другой стороны, — все это в послевоенные 1918—1920 гг. потрясло всей системой мирового капитализма. Именно это ослабление капитализма позволило малым и подавляемым народам центральной и юго-восточной Европы добиться свободы и самостоятельности.

Необходимо, однако, добавить, что империалистические участники Тройственного соглашения еще после окончания войны поддерживали некоторые территориальные требования буржуазии народов центральной, северо-восточной и юго-восточной Европы, так как они рассчитывали на государства, возникшие на территории бывшей Австро-Венгрии, как на своих „союзников“ в борьбе против Советского Союза а также против Германии.

Нельзя сомневаться в том, что в 1918 г. подчиненные славянские народы достигли своих главных целей. Однако, признание государственной самостоятельности и границы Чехословакии, Польши, Югославии (и других государств) победившими державами не означало еще окончательного обеспечения существования этих государств. Несмотря на возможность реваншистской опасности со стороны побежденной немецкой буржуазии, завоеванная самостоятельность славянских народов находилась под угрозой взаимных споров буржуазии новых государств относительно границы и гегемонии в области центральной и юго-восточной Европы. Победившие державы не были намерены буквально понимать лозунг самоопределения народов. Италия, например, выдвигала территориальные требования не только по отношению к побежденной Австрии и Турции, но также по отношению к Югославии (и Греции а также Албании). США, Англия и Франция, хотя и не были заинтересованы в агрессивных действиях в области центральной и юго-восточной Европы, все-таки считали Прибалтику, Дунайский бассейн и Балканский полуостров важными стратегическими позициями для наступления против Советского Союза, не договорившись, однако, об общих действиях по отношению к Германии. Это имело для народов

центральной Европы неблагоприятные последствия, которые первыми почувствовали поляки.

Военная сила Германии оказалась достаточной для подавления революционного рабочего движения а также для сотрудничества в антисоветской интервенции. Немецкие империалисты сумели использовать разногласия между своими бывшими врагами; они не выполняли подписанные соглашения, касающиеся договоров о сложении оружия и уплаты репараций, или же пугали членов Тройственного соглашения возможностью взрыва и победы пролетарской революции в Германии, или же обещали принять участие в антисоветской интервенции. Официальные немецкие круги предлагали это участие секретно, но возникающая вскоре после окончания войны нацистская партия стала выступать с этой программой открыто. Известный балтийский немец Альфред Розенберг позже (1-ого января 1921 г.) в передовой статье журнала „Völkischer Beobachter“ панисал: „Главная задача — нанести русской армии второй удар под Таненбергом и прогнать ее назад в Россию. Это — дело исключительно немецкое и, собственно говоря, начало нашего возрождения. Армия, которая прихлынет назад, станет самым жестоким врагом советского правительства.“

Французские империалисты, хотя и стремились производить твердую политику по отношению к вопросу о немецких репарациях и в январе 1923 г. оккупировали даже Рурскую область, все-таки уже в следующем году должны были принять известный план Давеса об экономическом восстановлении Германии. Год от года потом Германия, т. е. немецкие капиталисты и империалисты, удастаивались „более яркого солнца“ в европейской и мировой политике (Локарно, Гаага, наконец также Мюнхен в 1938 г.).

Немецкий империализм сейчас же после войны не мог, само собой разумеется, проводить открыто свои агрессивные намерения по отношению к народам центральной и юго-восточной Европы, а должен был удовлетворяться „только“ защитой своей границы 1914 г.; его угроза нависла; однако, прежде всего над Польшей. Одновременно говорилось также об „объединении“ Австрии и Германии. Неофициально, однако, в Германии думали даже о нападении Востока и говорили об „освобождении судетской области“ от „славянского ига“.¹ Сторонники пангерманской идеи давали знать о себе. Как отметил Масарик (1922), „в Германии даже более умеренные политические партии и направления показывают немецкому народу путь на восток и юго-восток... Говорится о том, что немцы должны быть ‚Wortführer‘ и ‚Schwertführer‘ стран между Северным морем и Тихим океаном...“²

Мы цитировали уже изречения нациста Розенберга от 1921 г. Не надо, может быть, напоминать о том, что после неудачного путча в Мюнхене (1923) стал Адольф Гитлер писать пресловутый „Mein Kampf“. Еще до установления своей власти Гитлер обнарудовал вполне „конкретный“ замысел

своей „Ostpolitik“. Германия должна была проглотить не только Австрию, но также западную Польшу и „Чешско-моравский бассейн“. Все это должно было заложить „основу Великой Германии“ с 80—100 миллионами немцев, вокруг которой сосредоточились бы малые и средние вассальные государства: прибалтийские республики, остающаяся Польша, Финляндия, Венгрия, Сербия, Хорватия, Румыния, Украина и многочисленные государства южной России и Кавказа. Что касается славян, задумана была их частичная миграция или же их истребление; остающиеся славяне должны были превратиться в поденщиков и рабов немецкой „расы господ“.³ Впрочем, также „Ваймарская республика“ (Stressemann) имела свою реваншистскую программу. Еще до 1939 г. разные организации, как, например, „Verein für das Deutschtum im Auslande“, „Sudetendeutsche Heimatsbund“ и др. стояли во главе ирредентизма немецких национальных меньшинств в Чехословакии, Польше, Прибалтике и на Балканском полуострове. После захвата власти Гитлером разные „геополитические“ и „исторические“ статьи открыто писали о новом „Drang nach Osten“ — секретно подготавливались планы военного похода на Восток.

Международная обстановка 30 гг. создавалась, значит, для славянских народов неблагоприятно. Победившая (1918—1920) в Чехословакии, Польше, Югославии и Болгарии буржуазия в борьбе за власть не сумела и, собственно говоря, даже не могла решить ни более ранние, ни новые спорные вопросы, тем более с неславянскими соседями. Азартная или же, наоборот, слепо доверчивая политика буржуазии славянских народов в вопросах внешней политики угрожала самому существованию государств, возникших на территории бывшей Австро-Венгрии.

Хотя и правда, что после 1918 г. в центральной и юго-восточной Европе существовала очень сложная национальная обстановка,⁴ которая обуславливала „объективные затруднения“, все-таки неясная и сложная этнографическая граница в центральной и юго-восточной Европе (проникание украинцев и поляков, поляков и чехов, разделение Македонии, проблема немецких и венгерских меньшинств) не была нерешимой. Еще менее спорными должны были быть взаимные отношения между родственными народами: между сербами и хорватами (дело касается, собственно говоря, одного народа) или же между чехами и словаками. Отношения между этими народами и между другими народами и национальными меньшинствами должны были бы, конечно, решаться на основе национального и социального равноправия: в Польше — уничтожить угнетение украинцев и белорусов, в Чехии — добиться того, чтобы буржуазия не отказывалась от признания самобытности за словаками, в Сербии — принудить буржуазию не осуществлять политику централизации в государстве в ущерб хорватов и словенцев. Неуважение равноправия — которое, само собой разумеется, соответствовало

условиям буржуазных режимов центральной и юго-восточной Европы — вело к повышению ирредентизма у других народов и национальных меньшинств, реакционные лидеры которых искали поддержки у соседних фашистских государств (хорватская буржуазия — в Италии и Венгрии, словацкие клерикалы — в Польше и Венгрии, украинские националисты — в нацистской Германии).

Различные цели буржуазии народов центральной и юго-восточной Европы в международных отношениях (соперничество в управлении центральной и юго-восточной Европой), вытекающие из разного классового состава общества отдельных славянских народов и разной структуры режимов, далее споры о территории (между Польшей и Чехословакией, Югославией и Болгарией) — все это сделало между государствами почти невозможным осуществление официальных дружеских отношений, опирающихся на равноправие отдельных народов и их взаимную помощь в случае опасности агрессии.

В разных странах, но, главным образом, в Чехословакии говорили о дружеских отношениях между славянскими государствами; однако руководящие деятели Чехословакии, Польши и Югославии в результате своей ориентировки и системы договоров были более привязаны к Западу, чем к другим славянским народам. В 1922 г. Масарик в известной своей статье (первоначально написанной для журнала „The Slavonic Review“ и переведенной на несколько языков) „Slované po válce“ писал, что „славянским народам (из-за их экономических отношений и национальных меньшинств) не остается ничего другого, чем связать свою судьбу с западными народами“. В Чехословакии (1926) главным образом Бенеш в своей статье „Problémy slovanské politiky“ доказывал, что „наше государство сегодня тысячекратными узами связано с западной Европой — с Англией, Францией, Италией, соседями...“⁵ Мы не цитируем эти изречения из-за жалости над тем, что чешская буржуазия стала после 1918 г. изменять „славянофильству“. Правду сказать, тогда, после первой мировой войны, создавалась обстановка таким образом, что (с точки зрения буржуазии!) не было причин (опасность немецкого империализма в первые послевоенные годы не была до того явной, как позже) и, собственно говоря, также возможности (по отношению к неславянским народам центральной и юго-восточной Европы и по отношению к неславянским национальностям внутри государства) осуществлять какую бы то ни было исключительно „славянскую политику“ во внешней политике Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии.⁶

Как известно, между Чехословакией и Польшей в январе 1919 г. развязалась даже и война (тещинский вопрос!). Начало сближения Чехословакии и Польши (после Локарно!) относится только к 1925 г., когда на обеих

сторонах раздались голоса (конечно одиночные) за „таможенную унию“. Факты сотрудничества Чехословакии и Польши продолжали жить (главным образом в Чехословакии) вплоть до 1932 г.⁷ В Польше, конечно, оказывали мешающее влияние некоторые выступления официальной печати, говорящие за польско-венгерскую „дружбу“ (с хортистской Венгрией!). Чешская печать перелома 20—30 гг. протестовала против интереса краковских журналов к словацким членам клерикальной партии; польская печать упрекала Чехословакию в симпатиях к галицийским украинцам.

После войны более благоприятно развивались официальные отношения между Чехословакией и Югославией. Оба государства сходились в воззрениях на линию внешней политики, т. е. в воззрениях на зависимость от французского империализма. Определенное разочарование югославов по отношению к внешней политике Чехословакии и к ее вежливому отношению к Италии (с которой Югославия вела спор о Триест и Риеку) продолжало существовать только короткое время. Уже в 1920 г. был заключен чехословацко-югославский союз. Официальные политические отношения укреплялись также торговыми связями. Штепан Радич, будучи премьер-министром, при междупарламентных совещаниях в 1928 г. даже думал о таможенной унии и говорил за экономическое и политическое сотрудничество государств центральной Европы (план Годжи).

Послевоенные отношения Югославии и Болгарии были отмечены разочарованием югославского народа в вероломстве болгарского правительства во время войны а также разочарованием Болгарии по отношению к решению вопроса Македонии, другая часть которой досталась после войны Югославии. На болгарско-югославской границе (со стороны Югославии она не была закрыта) зарождались все время конфликты, спровоцированные иллегальными организациями Македонии. Первое послевоенное правительство Болгарии (Стамболийски) стремилось добиться дружеского решения отношений с Югославией и сам Стамболийски также говорил о возможности создания унии между двумя странами южных славян. Пражский посланник его правительства — Балабанов — требовал в 1920 г. у Масарика, взять на себя роль нейтрального посредника в споре между Сербией (Югославией) и Болгарией. Также Стамболийски понимал идею болгарско-югославского сближения прежде всего как одно из лучших средств обороны против „большевистской опасности“ на Балканском полуострове. При правительстве Льяпчева (1926) болгарская печать затем вновь писала о дружеских отношениях к Югославии, конечно, предполагая, что речь идет о решении македонского вопроса. В Югославии с неудовольствием слушали о Македонии. Однако все-таки среди сербов были многие, которые стремились установить отношения с Болгарией.⁸

Мы могли здесь только кратко наметить послевоенные политические отно-

шения между славянскими государствами — не анализируя сложных классовых интересов при осуществлении официальной внешней политики. Вкратце можно сказать, что в течение первого десятилетия после войны искала буржуазия славянских государств поддержку своего господства в системе французско-английского империализма (представители буржуазии в правительстве Чехословакии верили во Францию вплоть до 1938 г.), однако, в 30 гг. форма режимов этих государств вела их к сближению с гитлеровской Германией и Италией Муссолини.

Еще менее благоприятные условия встретила „славянская идея“ в области торговых отношений. В Чехословакии Бенеш открыто выразился, что решающим фактором здесь являются деньги, а не симпатии или же антипатии. Чехословакия, которая была самым крупным промышленным государством среди славянских стран, стремилась установить торговые отношения с Польшей, Югославией и Болгарией, но только чехословацко-югославские торговые договоры предусматривали большую программу. Сначала самым крупным импортером и экспортером Чехословакии была Германия, доля участия которой (вместе с портами Гамбург и Бремен) в обороте внешней торговли Чехословакии доходила вплоть до 34 %. После 1929 г. эта доля участия понижалась и в 1937 г. составляла 16 %. Повышалась (конечно только относительно — так как в результате мирового экономического кризиса падали показатели внешней торговли) доля участия Запада, как это, впрочем, соответствует также линии внешней политики Чехословакии. Довоенное объединение промышленности и торговли чешских, польских, венгерских стран и стран южных славян бывшей габсбургской монархии продолжало существовать также после 1918 г. — связи Чехословакии прежде всего с Австрией, Венгрией, Польшей, Румынией и Югославией. В общем в первые послевоенные годы доля участия всех этих государств, возникших на территории бывшей Австро-Венгрии, в обороте чехословацкой внешней торговли составляла 33 %, в 1929 г. она понижалась до 29 % (и в 1937 г. она составляла только 19 %); понижалась абсолютная и относительная доля участия Австрии и Венгрии, относительная доля участия Югославии и Румынии несколько повысилась (с 3,8 % в 1924 г. до 4,9 % в 1936 г, или же до 5,17 % в 1937 г.).

Приведенные цифры, само собой разумеется, сами по себе не отражают масштаба и значения торговых связей Чехословакии с остальными славянскими или же другими государствами. Здесь надо принимать в соображение размеры отдельных государств, их структуру, традицию внешней торговли и т. п. Нужно было бы привести также взаимную долю участия славянских государств в экспорте и, в особенности, в импорте. Например, что касается ввоза из Югославии, Чехословакия в 20 гг. занимала одно из первых мест долей участия 17—20% (соперничала с Италией и Австрией),

но в вывозе в Югославию представляла Чехословакия только 11 % и отставала, таким образом, за Италией (26—28 %). Доля участия Чехословакии в обороте болгарской внешней торговли сначала колебалась между 5—7 % (что касается ввоза — занимала Чехословакия в 1924 г. 7-ое место, в 1929 г. — 3-ье место), в 30 гг. она стала, однако, понижаться. Также взаимные доли участия Чехословакии и Польши в обороте внешней торговли понижались с 5—6 % в 1929 г. до 2—3 % в 1937 г. В Польше, Югославии и, главным образом, Болгарии до 1938 г. во внешней торговле приняли перевес воздействия Германии.

В Чехословакии несколько раз пропагандировалась потребность экономического сотрудничества между славянскими государствами, между прочим, также при помощи национально-демократического лозунга „свой к своему“! А. Пимпер в своей брошюре „O nacionalismu a novém slovanství“ (1931) рекомендовал повысить долю участия чехословацкого капитала в Югославии, Польше и Болгарии. Также позже некоторые буржуазные журналисты верили в „ведущую роль“ торговых отношений Чехословакии с славянскими государствами.⁹ В действительности, однако, чешская буржуазия в своих торговых, промышленных и финансовых делах не обращала внимания на „славянскую идею“.

Более благоприятная обстановка возникала между славянскими государствами в области культурных отношений. Здесь имела место скорее инициатива славянофилов старого и нового толка. Также официальные правительства в большей или меньшей степени рекомендовали или же позволяли заниматься „славянской идеей“ в разных обществах дружбы с другими странами.

В период между двумя мировыми войнами в Чехословакии и в других странах было основано много обществ дружбы с другими славянскими странами.

„Южнославянская комиссия“, созданная в марте 1919 г. в Праге, стремилась завязать дружбу с Югославией. Группа довоенных сербофилов, которая стояла в близких отношениях к министерству иностранных дел, весной 1919 г. открыла кампанию за поддержку югославских претензий на Триест и Адриатическое море и за создание коридора между Чехословакией и Югославией (некоторые чешские националисты тогда доказывали даже „славянский характер“ Вены!), организовала даже поездку чехословацких журналистов и политических деятелей в Югославию и принимала, в свою очередь, югославских журналистов в Чехословакии. Соединением „Южнославянской комиссии“ с клубом дружбы „Югославия“ возникло затем, в январе 1921 года, общество „Československo-jugoslávská liga“, целью которого было взаимное познание жизни южных и западных, или же восточных славян и расширение культурных связей. „Československo-jugoslávská liga“ уже

с первых дней своего существования насчитывала довольно много членов, так как ее филиалы возникали не только в Праге (в 1928 г. всего 11 филиалов). Председателем центрального комитета общества „Československo-jugoslávská liga“ был министр Годжа, секретарем — Рипка.

Также „Jugoslovensko-Čehoslovačka Liga“ (с многочисленными филиалами и даже самостоятельным обществом с подобным названием) в Белграде развертывала подобную деятельность. Обе стороны стремились добиться заключения культурного договора между Чехословакией и Югославией (удалось это в 1930 г.), организовали междугосударственные совещания (на которых обсуждались подготавливаемые культурные декларации, стипендии студентов, гастроли театров, переводы литературы, размах туристического движения а также проблема экономического сотрудничества) и объявляли поддержку официальной внешней политики своих государств (ориентировка на Малую Антанту и Францию).¹⁰

Важное значение имела или же, точнее говоря, могла иметь деятельность чехословацко-польских клубов в Чехословакии и польско-чехословацких обществ в Польше. Еще до войны в Праге работал „Společenský klub česko-polský“, задачей которого было устанавливать общественные и культурные связи, распространять в Чехословакии знание польской истории а также знакомиться с современной жизнью Польши. Общество было восстановлено в 1922 г., когда в Праге учредили также Akademický spolek přátel Polska. Чехословацко-польский клуб организовал разные музыкальные и литературные вечера, принимал польских ученых и писателей, организовал курсы иностранных языков, поездки в Польшу и т. п. Также в Брно, Братиславе и Моравской Остраве организовались самостоятельные чехословацко-польские клубы; в провинциальных городах возникали филиалы Чехословацко-польского общества. В деятельности чехословацко-польских обществ и их филиалов продолжала жить идея полонофильства старшей генерации.

Также в Польше была сеть польско-чехословацких обществ (Towarzystwo Polsko-Czechosłowackie) довольно широкой. Сначала (1924—1925) самостоятельную деятельность развертывали польско-чехословацкие общества в Кракове, Познани, Варшаве и Львове, позже также в других городах.¹¹

Подобным образом как чехословацко-югославские лиги стремились также чехословацко-польские общества обеих стран углубить культурное сотрудничество на основе междугосударственного культурного договора, к заключению которого они несколько раз давали импульс. Славянские журналы (в Чехословакии „Slovanský přehled“, в Польше опять „Ruch Słowiański“) обеих стран информировали о культурной жизни соседних стран. Кажется, что бóльшие успехи получались на основе личных связей. В Польше это были, главным образом, инженер К. Кьерски (Kierski — многолетний председатель познанского „Польско-чехословацкого общества“), далее потом

доктор Й. Курнатовски (польский публицист, председатель общества „Słowiańskie Towarzystwo Kultury i Sztuki“ в Варшаве) и другие. Начиная с второй половины двадцатых годов мы встречали в Чехословакии и поляки опять в Польше многих выдающихся лиц культуры.

На польской стороне вдохновлялись идеей славянской взаимности и чехофильством также некоторые консервативные (католические) писатели и поэты или драматурги — например, Ст. Прзыбышевски, Б. Лесмиан, К. Г. Ростворовски —, которые переписывались с Фр. Квапилом, Ад. Черным и др. чешскими полонофилами.^{11а}

Благоприятными оказались также условия для поездок многочисленных групп (подобно тому как в Югославию); в мае 1931 г. польские консульства в Чехословакии выдали чехословацким гражданам свыше 30 000 виз для поездки в Познань!

В Чехословакии немногим отстала организация подобных обществ для поддержки чехословацко-болгарских связей. В то время как в Софии Болгарско-чехословацкая дружба была организована уже в 1919 г., в Праге возникла подобная Чехословацко-болгарская дружба только в 1924 г. Известный национально-демократический публицист В. Сис конечно уже раньше пропагандировал болгарофильство, и именно в духе довоенного неославизма Крамаржа. В то время как народ Чехословакии с восторгом праздновал славное Сентябрьское восстание (1923) болгарских крестьян и рабочих и протестовал против массового террора болгарской фашистской клики,¹² В. Сис в книге „Nový Balkán“ (1924) воспевал болгарское антидемократическое и фашистское правительство. И тот же Сис работал секретарем вышеупомянутой Чехословацко-болгарской дружбы (членами комитета были также секретарь Союза чехословацких промышленников и два директора Прагобанка).

Общества чехословацко-болгарской или болгарско-чехословацкой дружбы (в Чехословакии они не были так распространены как в Болгарии) хотя и стремились познавать жизнь обоих народов и развертывали культурное сотрудничество, все-таки несли слишком явный след реакционной буржуазной идеологии.

Подобные общества дружбы организовались также между остальными славянскими государствами. Удивляет большой интерес болгарского общества к жизни славянских народов. В Софии восстанавливается довоенная деятельность общества „Славянска беседа“ (основанная по чешскому импульсу в 1880 г.). Обширной была также деятельность восстановленного довоенного общества „Славянске дружество“, которое в 1923 г. насчитывало свыше 3000 членов и издавало по кварталам (позже 2 раз в год) журнал „Славянски Глас“ тиражом в 3600 экземпляров! Вообще удивительным является число разных славянофильских периодических и непериодических

сборников. Из славянских обществ, помимо „Болгарско-чехословацкой дружбы“, уже с 1919 г. существовало в Софии „Болгарско-польское общество“ (которое издавало 3 раза в год журнал „Полско-Български Преглед“), общество для культурного объединения молодых славян — с 1921 г. (которое в 1927 г. попыталось издавать журнал „Славянско огнище“), далее „Болгарско-украинское общество“, „Союз славянских обществ“ (в качестве своего рода центрального органа) и, наконец, перед 1937 г. также „Болгарско-югославская лига“.

В Югославии с пониманием относились к обществам славянской дружбы сейчас же после 1918 г. Первой стала завязываться дружба с Чехословакией, потом было основано (1922) „Югославско-польское общество“ в Загребе, продолжающее деятельность довоенного общества „Poljsko kolo“. В 1924 г. возникло также в Загребе общество „Zajednica slavenskih družtava“. В Любляне восстановили в 1922 г. деятельность довоенного общества „Slavenski klub“. В 1933 г. было создано общество „Jugoslovensko-bugarska liga“, которое выпускало регулярно издаваемый журнал „Jugoslovensko-bugarski prehled“.

Также в Польше организовались общества дружбы с Югославией и Болгарией. В 1922 г. возникло в Варшаве общество „Słowiańskie Towarzystwo Kultury i Sztuki“, во главе которого стояла немногочисленная группа работников культуры и университета. Устраивались разные культурные беседы, лекции и т. п. Из рядов этого общества вышло также серьезное предупреждение об опасности подъема немецкого и венгерского реваншизма против славянских народов.

Также в Чехословакии рядом с чехословацко-югославскими лигами, чехословацко-польскими обществами и чехословацко-болгарскими дружбами организовались и другие „Славянские общества“ или же „Славянские комитеты“ в качестве органов, координирующих деятельность отдельных обществ дружбы.

Внимания заслуживает „Slovanský studentský vysokoškolský svaz“, основанный в 1922 г. в Праге, целью которого было добиться внешнего славянского сотрудничества. Общий ход первого общеславянского съезда учеников средних школ (Белград, 1930 г., в котором необыкновенно многочисленное участие приняли также гости из Чехословакии и относительно хорошо была представлена польская делегация) в общем благоприятно оценивали на страницах журнала „Slovanský přehled“; однако разные выступления молодежи с лозунгами: „Панславия“ (например, братиславский журнал „Mladý Slovan“ — ежемесячный журнал для распространения, улучшения и углубления всеславянской идеи — апрель 1934 г.) и „Общеславянской идеей к Панъевропе“, несли следы нереального взгляда на действительность.

Если мы уже говорим о студентах, надо положительно оценить их стре-

мление добиться обеспечения стипендий в славянских государствах, поездок и т. п. Официальные министерские круги не проявляли готовность поддерживать в Чехословакии обучение славянских слушателей-иностранцев. Хотя и до войны и еще в первые послевоенные годы училось в Праге много югославских и болгарских (после войны и польских) студентов, на чехословацких ВТУЗах с 1924—1925 учебного года их число быстро понижалось; славянские студенты, „будучи иностранцами“, должны были в Чехословакии вносить разные платы на обучение и т. п. В противоположность тому чехословацкое министерство образования оказалось щедрым по отношению к русским и украинским студентам-эмигрантам, хотя и в многих случаях дело касалось нежелательных иностранцев. В противоположность тому польские (польские и украинские или же еврейские национальности) и болгарские левые студенты, которые в Чехословакии также представляли эмиграцию, были предоставлены самим себе или же находились в зависимости от поддержки чехословацкого демократического общества. До мюнхенской сделки члены антифашистских организаций болгарских студентов в Чехословакии облегчали чехословацкому народу правдивое познание тогдашней Болгарии и укрепляли таким образом действительную чехословацко-болгарскую дружбу.¹³

Напомним, в конце концов, также о „неполитических“ организациях, которые в Чехословакии и в других странах занимались „всеславянской идеей“. Вслед за обществом „Slovanské sokolstvo“ организовали также скауты подобное общество „Slovanský svaz“, за ними последовали пожарники и туристы, свои довоенные „славянские конгрессы“ хотели продолжать журналисты, аналогично высказывались также работники театра, учителя, врачи, инженеры, ботаники и т. д. Предполагается, что до 1934 г. возникло в Чехословакии больше чем 30 подобных „всеславянских союзов“ (в том числе также общества членов партии аграриев, клерикалов и др.). В большинстве случаев дело касалось, однако, общественных отношений, не имеющих большего политического или же, по крайней мере, культурного значения.

Председатель Общества славянской взаимности в Праге, Фр. Таборский, жаловался в 1926 г., что между отдельными обществами дружбы не имеется достаточного контакта. Он предлагал поэтому создать при чехословацком национальном совете „Славянский совет“. Подобные предложения на координацию деятельности славянских обществ подавались уже раньше и также в 30 гг., в позже большинстве случаев безрезультатно. „Общество славянских женщин“ (основанное в 1929 г. в Праге) стремилось выступить также „в международном плане“, выдвигая программу „сохранения оригинальности славянской культуры и силы славянской расы“!¹⁴.

Оценка значения всех вышеупомянутых славянских обществ нуждалась

бы в более подробных знаниях не только деятельности самих обществ, но вообще культурных отношений между отдельными славянскими государствами и народами. Вышеупомянутые славянские общества представляют прежде всего, или же в сущности своей, буржуазную линию (конечно, не официальную) в культурных межславянских отношениях. Было бы, однако, несправедливым отрицать тот факт, что также в этих обществах и посредством этих организаций осуществлялась практическая и полезная культурная дружба. Много раз зарождались в этих обществах дружбы импульсы лозунгов, говорящих об общих действиях славянских народов против общей опасности — гитлеровской Германии.

Мы узнали здесь, прежде всего, об официальных или же полуофициальных культурных отношениях. Нельзя, однако, сомневаться в том, что намного важнее были культурные отношения демократических сил славянских народов, о чем пока знаем относительно больше из изучения чехословацко-болгарских, чехословацко-польских и, главным образом, конечно, чехословацко-советских отношений. Описание этих отношений, в которых, в период второй половины 30 гг., можно было бы наверно найти достаточное количество доказательств идеи солидарности славянских народов в борьбе против фашизма и против опасности заграничной агрессии, выходит за рамки нашей статьи и возможностей автора.

*

Вскоре после 28-ого октября 1918 г. выдвигались в Чехословакии разные предложения „славянских программ“. Чехословацкие славянофилы (например, А. Йирак) радовались, что „Прага будет славянской Меккой“ и предлагали, поэтому, организовать „особое славянское бюро“ при министерстве образования. „Нелегкие славянские задачи“ (при осуществлении культурных а также политических и экономических отношений между славянскими государствами) должно было выполнять общество „Společnost slovanské vzájemnosti“, о котором писал в журнале „Naše doba“ М. Вейнгарт. Тот предлагал даже, чтобы в книгах для чтения училось „Я чех и славянин“ (подобно тому как во время австрийского государства писал в хрестоматиях пресловутый Галик „Я чех и австриец“)! Общество „Ústřední spolek českých profesorů“ создало в январе 1919 г. особую „славянскую секцию“, которая предлагала министерству расширение обучения славянским языкам, чтение славянских хрестоматий и, главным образом, произведения Коллара „O literární vzájemnosti“. Большое количество статей о „славянской идее“, появившихся в первые послевоенные годы, свидетельствует о том, что буржуазные круги сознавали жизнеспособность „славянской идеи“.¹⁵

Старательнее всех занимались „славянской идеей“ национальные демократы. Карел Крамарж тогда, в период 1918—1922 гг., представлял себе, что так называемые чехословацкие легионы из Сибири вернутся в Чехословакию „с реющими знаменами“ через Москву, где они свергнут власть советов и установят „конституционную Россию“. Крамарж упрекал чехословацкую внешнюю политику в „неблагодарности России“ и угрожал, что „будущая Россия“ (для которой Крамарж разработал даже проект конституции!) едва ли забудет об этой „славянской измене“. Вплоть до своей смерти (1937) Крамарж верил в восстановление „славянской России“, и поэтому при всяком случае защищал свое реакционное русофильское понимание „славянской политики“. Вплоть до последней минуты своей жизни Крамарж верил в осуществление „общего нашего идеала — объединения славян“.

Однако и „славянская идея“ не помешала Крамаржу восхищаться итальянским фашизмом и вовлечь свою партию в фашистский избирательный блок „Národní sjednocení“. В своем антикоммунистическом и антисоветском пристрастии он был готов признать и нацистскую Германию, на „сотрудничество“ которой (и, конечно также Италии) он хотел рассчитывать при „новой организации“ центральной Европы.¹⁶

Национальные демократы (и другие) хотели при помощи „славянской политики“ обеспечить и укрепить политические позиции в чешском обществе. Сторонники Крамаржа стояли во главе общества „Česko-ruská jednota“, основанного в 1919 г. в Праге. Главной задачей этого общества было сотрудничество с русскими эмигрантами. Большой шум наделало общество „Všeslovanská společnost“ (основанное в 1920 г.), которое в духе „славянской идеологии“ Крамаржа провозглашало своей целью создание „Союза славянских народов“. В журнале „Staroslovan“ и в своем журнале „Všeslovanský věstník“ организовало приведенное общество разные выступления против признания Советского Союза чехословацким правительством. Заключение союзного договора между Чехословакией и Советским Союзом назвал Карел Крамарж „славянской изменой“. Нереальное и реакционное понимание славянской идеи Крамаржем иногда явно выступает и в разных „славянских беседах“, „славянских комитетах“ (которые возникали в 30 гг. и не только в Праге) а также в некоторых выступлениях студентов.

Программы буржуазных партий Чехословакии после 1918 г. совпадали по отношению к антибольшевизму и антисоветизму. Против Советской России они боролись, между прочим, также при помощи „славянской идеи“. Подобным образом относились члены партии аграриев, которые уже в 20 годах создали „Svaz slovanských agrárníků“; в нем принимали участие югославские, польские и чехословацкие члены партии аграриев при международном бюро. Молодежь партии аграриев организовала даже несколько

„всеславянских конгрессов“ (первый уже в 1921 г.), на которых выдвигались резолюции о сотрудничестве в области сельскохозяйственного производства, торговли, кооперации и т. п. Однако, ни резолюции, ни съезды не давали эффективных результатов. Жалобы поляков, болгар а также югославов на внешнюю политику Чехословакии основывались именно на разногласиях интересов промышленной буржуазии Чехословакии и буржуазии партии аграриев остальных славянских государств. И „славянское сообщество“ на основе „аграризма“ не могло дать успехов.

Главным идеологом „славянского демократизма партии аграриев“ был словак Милан Годжа, который утверждал, что ни рабочие во главе с коммунистами, ни „патриоты“ со своим национализмом, ни клерикалы с католической идеей не способны стать во главе послевоенного славянского движения. Словацкие аграрии утверждали, что не рабочий, а всегда крестьянин создавал моральную силу народа. Партии аграриев удалось координировать интересы своих чешских и словацких членов; таким образом только на „аграризм“ можно рассчитывать при объединении славянских народов — в большинстве случаев еще аграрийных.¹⁷

Не было случайным явлением, что „славянская программа“ аграриев возникла как раз в Словакии.¹⁸ Сама Словакия была явно аграрийной страной; но еще большее значение имела здесь сильная традиция славянофильская. Правду сказать, после войны преобладало как у бывших „народниаров“ (с центром в городе Мартин), так также у сторонников довоенного журнала „Hlas“ разочарование над разгромом царской России и над совершением пролетарской революции. „Россия, столетняя гордость и надежда наша . . . лежит сегодня бессильной.“ Эти слова можно в 1919 г. читать в журнале „Slovanský deník“. Атмосфера разочарования вела даже к полной потере интереса к России и к игнорированию русской литературы. После 1921 г. вновь в словацких журналах появляется новый интерес к России и к славянской идее. Некоторые словаки стали верить (когда появились вести о Новой экономической политике), что опять в каком-то виде будет воссоздана „конституционная“ (т. е. капиталистическая!) Россия, которая не позволит чехам подавлять словаков! Появились даже утопические мечты о „Соединенных штатах европейских“. Также словацкие католики в своем стремлении к „славянскому унионистическому движению“ ставили перед собой задачу „славянской взаимности“. Эта мысль объединяла словацких католиков с моравскими клерикалами, которые еще в 30 гг. проповедывали „кирилло-мефодиевскую славянскую идею“.¹⁹

На „славянской идее“ хотели прижиться также оппозиционные группы социал-демократии и национально-социалистической партии, которые в 1920 г. организовали отщепенческие фракции: партию „прогрессивных социалистов“ (Модрачек и Гудец) и „славянскую партию социальной и на-

циональной оппозиции" (Хоц). Обе группы дали своим газетам „славянские названия“, и именно: правые издавали газету „Slavia“ (от 28 марта до 16 мая 1920 г.) и национальные социалисты печатали еженедельную газету „Slovan“ (15 мая 1920 г. — 1924 г.). Первая газета (ежедневная) ставила себе целью „углублять понимание славянской политики“ и обеспечивать самостоятельность нашу только в тесной связи с славянами“. „Slovan“ проявил больше жизнеспособности; собственно славянским проблемам он посвящал, однако, мало внимания. Обе приведенные газеты клеветали на Советский Союз, в котором видели „смертельного врага“ славянских народов. Подобно тому как национальные демократы, так также национально-социальные оппозиционеры вокруг газеты „Slovan“ выступали за поддержку реакционной русской эмиграции. Чехи и южные славяне предназначены, де, помогать русским и „новой России“. Вообще Чехословакии должна была принадлежать ведущая роль в „славянской“ Малой Антанте, среди членов которой „Slovan“ хотел бы видеть также Болгарию.²⁰

Таким антисоветским пониманием „славянской идеи“ отличалось, в конце концов, и официальное правительство Чехословакии при осуществлении своей внешней политики, хотя и Масарик и Бенеш в других случаях „к славянской политике“ относились отрицательно, как к неосуществимой в новых условиях Чехословакии и других славянских государств. Масарик в своей известной статье „Slované po válce“ (1922) объяснял „реальное понимание славянской идеи“ следующим образом: „Гуманная программа (славянской взаимности Коллара) осуществится при помощи Соединенных Штатов Европы и славянские народы поддержат своей взаимностью объединение европейских государств“. Такое мнение — что Европу ждет объединение всех государств — отстаивал также Бенеш, который (в своей должности министра иностранных дел) вынужден был (1919—1925 гг. и позже) высказываться о „славянской политике“. Сделал это главным образом в известной статье „Problémy slovanské politiky“, которая печаталась по частям в журнале „Slovanský přehled“ (1925—1926 гг.).

Эта статья Бенеша в первой своей части пытается дать сжатую историю славянской взаимности или же славянской политики, начиная с Коллара, причем главное внимание относится довоенному неославизму. На основе перечня ошибок и недостатков более ранних славянских программ (австро-славизм, панрусизм, неославизм) и на основе послевоенного состояния взаимных отношений (несогласий) между славянскими народами или же внутри славянских государств Бенеш построил следующую программу „славянской политики“ Чехословакии: Общие действия и согласие в случае тождественных интересов. Отстаивание взаимной снисходительности в нейтральных вопросах. Соблюдение политики невмешательства в спорные дела между другими славянскими народами. Проявление доброй воли; откры-

тые действия в политической практике. — Это были, наверно, правильные принципы и можно согласиться также с отрицательным отношением Бенеша к „фантастическим славянским идеям и планам“ (Крамарж). Конечно, требование „реального отношения“ к славянской политике Бенеша и его призыв к „сдержанности“ при осуществлении славянской идеи были направлены вообще против всех критик внешней политики Чехословакии, которой Бенеш руководил в интересах французского империализма. Будучи министром иностранных дел, Бенеш должен был регулировать „непредусмотрительную агитацию“ с „славянским содружеством“. Славянская идея должна была бы быть — говорит Бенеш — совсем неполитичной, областью ее действия пусть будет наука, литература и искусство (но и здесь Бенеш ясно говорит о том, что эти отношения и связи Чехословакия имеет и должна иметь также с Францией и с англо-саксонским миром). Даже при экономическом сотрудничестве между славянскими государствами должно преобладать реалистическое воззрение, так как дело здесь касается денег и на чувства или же братство нельзя рассчитывать — подчеркнул Бенеш.

Из формулировки заключения (Бенеша) вытекает, что „Проблемы славянской политики“ были реакцией не только на политический „аукцион“ национальных демократов и членов партии аграриев с идеей славянской взаимности, но также и против народного русофильства. Бенеш одновременно доказывал, что нет уже надобности рассчитывать на Россию, как на „протектора славян“, так как ни сегодняшняя, ни „будущая Россия“ не будет, де, интересоваться центральной Европой и Балканским полуостровом (это было заветное желание западных империалистов). В то время как Масарик все-таки в вышеупомянутой статье „Slované po válce“ обращал внимание на возможное сближение и объединение славянских народов в случае немецкой агрессии, Бенеш относился отрицательно к „всякому славянскому содружеству“, которое или прямо, или в своих последствиях переходило бы „только в русизм и русофильство“. В более поздней, переработанной, книге „Úvahy o slovanství“ одной из причин „стагнации славянской идеи“ после первой мировой войны Бенеш считает отношение Советского Союза, в случае которого якобы „своеобразные интересы славян нельзя было почти принимать во внимание“.²¹

Формулировки „славянской политики“ Масариком и Бенешем были обозначены понятием „республиканское понимание славянской идеи“ (более поздний термин Я. Славика) или же „реальное славянофильство“ (которое должно было стать предпосылкой или же составной частью программы „демократической Новой Европы“ Масарика). Однако и это республиканское понимание славянской идеи не было — вплоть до начала 30 гг. — по отношению к Советскому Союзу „реальным“. Сжато можно сказать, что

в Чехословакии программа каждой политической группы включала в большей или меньшей степени „славянскую политику“, направленную скорее на внутренне-политическую жизнь. При помощи „славянской идеи“ буржуазные партии хотели приобрести расположение народа и тем самым одновременно парализовать распространение революционного русофильства или же советофильства.

Вышеупомянутые „славянские программы“ -- это явно реакционные идеологические и политические концепции. Несколько более сложной будет наша оценка деятельности Адольфа Черного и его журнала „Slovanský přehled“, вновь издаваемого с 1925 г. Черный принадлежал с политической точки зрения к правительству. Вся его довоенная и послевоенная деятельность в тщательно издаваемом журнале „Slovanský přehled“ носит, несомненно, некоторые объективно прогрессивные черты. Черный и его сотрудники внесли вклад в познание современной обстановки Польши, Югославии и Болгарии. Нельзя, конечно, не признать, что также в журнале „Slovanský přehled“ бросались в глаза антисоветские тенденции, которые сегодня, конечно, можно частично объяснить ошибками сталинской политики, например, по отношению к Украине.

В Чехословакии встречались также сомнения о смысле „славянской политики“ и вообще о славянской взаимности. В то время как Бенеш тайне относился отрицательно к славянской идее, другие, менее выдающиеся, публицисты на основе политического развития Польши и Болгарии приходили к принципиальному скепсису по отношению к возможному славянскому сотрудничеству.²²

* * *

У нас не было пока возможности более подробно изучить польское, югославское и болгарское славянофильство. По сообщениям чехословацкого журнала „Slovanský přehled“ и на основе доступных в Чехословакии выпусков польского журнала „Ruch Słowiański“ и болгарского периодического журнала „Славянски Глас“ или же югославского журнала „Свесловенство“ можно, однако, все-таки узнать некоторые основные факты „славянского сотрудничества“ в других славянских странах (после 1918 г.). Подобно тому как чехословацкая буржуазия, так также буржуазия Польши (по скольку господствующие польские круги вообще какой-нибудь славянской идеей занимались), Югославии и Болгарии рекомендовала ту или другую „общеславянскую политику“, которую понимала как подходящее средство антисоветской агитации. Подобно тому как в Чехословакии, так также в Югославии, Болгарии и частично также в Польше снисходительно относились к деятельности русской эмиграции, которая в своей судьбе утеша-

лась разными концепциями „славянской политики“. Некоторые русские эмигранты даже полагались на помощь Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии при „восстановлении“ капиталистической России. Писали об этом разные журналы, издаваемые русской эмиграцией в Праге („Славянская заря“, 1919—1920), в Белграде или же в Париже („Россия и славянство“): Совпадением обстоятельств были это как раз некоторые русские буржуазные эмигранты, которые уже в 1927 г. предупреждали о возможной опасности немецкого нападения Чехословакии, Польши и „России“.²³ Другие эмигранты, наоборот, жили в Германии и полагались на нее, как на главную силу борьбы против Советского Союза.

Веру Крамаржа в „восстановленную Россию“ отстаивал Радован Кошутич из белградского университета, который даже верил в федерацию славянских народов; симпатичным у него было то, что он вступался за польских украинцев и питал надежду на взаимное сербо-болгарское понимание. Наивным, однако, оказалось его воззрение на характер славян, которые, де, как крестьяне, простые и неагрессивные люди, могут осуществлять идеалы братства. Еще далее шел Т. Крайничанац, который утверждал, подобно тому как довоенные русские славянофилы, что западная Европа находится в полном декадентстве и что спасти человечество могут славяне, очищенные от „фальшивой цивилизации“ Запада. Прежде всего надо создать „Великую Югославию“ вместе с Болгарией и потом надо стремиться к объединению всех славянских народов в „Великой Славии“. Славянские народы родственны по языку и духовному облику — но должны больше познавать друг друга.²⁴

Орган белградского всеславянского общества „Бизанта“ напечатал в 1930 году программную статью русского эмигранта Л. Машковского „Основы Свеславенска“, в которой автор требовал возврата к Византии — „к первоначальному источнику нашей духовной жизни“. Думали о „всеславянском объединении“ и даже о территориальном единстве в „Славии“. Деятельность общества „Бизанта“ в Югославии (1932—1933) продолжал новый журнал „Всесловенство“, еженедельный журнал за „сближение всех Словена“, который стремился поднять в Югославии роль „всеславянской идеи“, которая, де, после первой мировой войны стала терять значение.²⁵

Подобные концепции всеславянской идеи обсуждались также в Болгарии, и именно в сотрудничестве с русской эмиграцией. Об одной из программ „славянской взаимности“ говорил софийский профессор С. С. Бобчев (председатель общества „Славянско дружество“) в своем докладе (1927), в котором предлагал что-то в роде десяти заповедей „славянофильства“: славянские народы создадут свой „Союз народов“, в котором Россия займет равное положение с другими; целью этого „союза“ будет экономическое и культурное сотрудничество; взаимные отношения будут создаваться на основе

справедливости; речь не пойдет о панславизме, а о сотрудничестве и братстве, которые поведут к европейской и мировой солидарности.²⁶

Помимо этих и других подобных наивных и реакционных всеславянских выступлений можно привести целый ряд реальных выступлений за дружбу между двумя народами или же государствами. К деятельности обществ дружбы можно еще добавить, что именно в Чехословакии и частично также в Польше издавались многочисленные брошюры и книги об истории и современной жизни Польши или же Чехословакии, в которых призывали к укреплению дружбы между нашими народами, между прочим, как раз лозунгами славянской солидарности. В Польше, хотя и здесь в буржуазной публицистике вскоре после окончания войны преобладало античехословацкое настроение, все-таки уже в 20 гг. раздавались голоса за сближение с Чехословакией. В 1926 г. можно читать в польской ежедневной печати даже следующие слова: „Чехословакия и Польша должны сообща отстаивать свое существование как западные бастионы против немецкого ‚Drang nach Osten‘.“ В ноябре 1931 г. члены „Сообщества молодых славян“ и „Славянского культурного общества“ составили „Свидетельство польских славянофилов“, в котором они протестовали против реваншистской немецкой пропаганды и предостерегали часть польского общества от его склонности к Венгрии. „Мы, польские славянофилы, будем энергично бороться со всякими прямыми и косвенными, явными и ловко замаскированными реваншистскими действиями прусских юнкерских кругов...“ Польские славянофилы далее проповедывали необходимость союза с Малой Антантой и с Францией. Они подчеркивали главным образом свои симпатии к жителям Чехословакии: „Мы разеертываем пока возможно энергичнее всего пропаганду для осуществления самого тесного союза с Чехословакией, так как только искренняя дружба — это крепчайшая гарантия от возможности ответной войны немцев и венгров.“ Авторы этого „Свидетельства“ ссылались одновременно на протест поляков, чехов и южных славян, живущих в Америке, против выступления одного американского сенатора за права немцев на Силезию; они одновременно подчеркивали, что „славянская идеология при все время возрастающем числе ее сторонников не позволит уже оторвать и пядь славянской земли“ и что „надо решительно использовать славянское направление в политике для будущего Польши“.²⁷

Также в Югославии и в Болгарии были частыми выступления за заключение взаимной дружбы. После 1933 г. болгарские политики-эмигранты несколько раз говорили о болгарско-югославском сближении или же соединении. Подобно тому как в Болгарии, так также в Югославии существовали некоторые сторонники „Великой Югославии“. Ведущий деятель хорватского сельскохозяйственного союза и министр школ в 1926 г. писал: „Нашей целью является единый крестьянский народ сербов, хорватов, словенцев

сор Д. Йованович написал (1931) в софийском журнале „Зора“: „Нашим естественным союзником является прежде всего Болгария.“ Йованович, конечно, сознавал необходимость некоторых корректур югославно-болгарской и болгар.“ Лидер сербского сельскохозяйственного левого крыла, профессор-границы в пользу восточного соседа. Разрешение споров он видел в создании общего государства, в котором Македония стала бы особой областью.²⁸

Захват нацистами власти в Германии 1933 г. дал некоторые новые импульсы для развития славянофильства в Чехословакии и в других странах. Казалось, что улучшатся также официальные отношения между Чехословакией и Польшей и между Югославией и Болгарией. Весной 1933 г. Прага подготавливала союзный договор с Польшей и ждала визита министра Бека. Под конец 1933 г. появилась, однако, весть о переговорах Варшавы с Берлином и весной 1934 г. был заключен польско-немецкий пакт. И вновь в Польше стал подниматься „тешинский вопрос“. Группу польских чехофилов или же славянофилов (довольно немногочисленную) и главным образом чехословацких полонофилов упрекала польская правительственная печать в том, что за „славянским рифмачеством“ (W. Lyrasewicz „Stosunki polsko-czeskie“) или же за „панславизмом“ (W. Studnicki „System polityczny Europy i Polski“) скрывается „идеология экспансивных намерений России“.

Гитлеровская дипломатия развернула усердную деятельность также в Болгарии и Югославии. Правящие югославские круги, хотя и еще весной 1938 г. говорили о союзе с Чехословакией и об участии в Малой Антанте, но на деле уже с 1936 г. стали кокетничать с фашистской Италией и нацистской Германией. Правительства обеих стран — Югославии и Болгарии — были близки фашистам по характеру своих режимов. Договор о „вечной дружбе“ между Югославией и Болгарией (1937) не был задуман как средство обороны против проникновения немецкого (нацистского) влияния на Балканский полуостров. Надежда корреспондента журнала „Slovanský přehled“ (касающаяся течения II конференции болгарско-чехословацкого договора по делам печати в Софии — сентябрь 1936 г.) в то, что „в Болгарии встретит гитлеровская пропаганда большое сопротивление и не даст успеха“,²⁹ выражали заветное желание чехословацких славянофилов. В течение 1937—1938 гг. в Болгарии происходили выступления с про-туранскими и противославянскими тенденциями.

Однако и в дальнейшем — после 1933 г. — не только в Югославии, но также в Польше и Болгарии развертывали свою деятельность вышеупомянутые славянские общества дружбы. Одобрительно мы оцениваем деятельность некоторых югославно-чехословацких лиг, работающих на протяжении 1937—1938 гг., когда, между прочим, именно эти лиги устраивали на многих местах выступления симпатий и верности к Чехословакии. В Поль-

ше еще в 1935 г. работали приблизительно 13 польско-чехословацких обществ и возникали другие польско-чехословацкие общества (так называемые „Kółka“) в Вузах и в гимназиях, которыми руководил центральный комитет этих обществ. В Познани работало польско-чехословацкое общество вплоть до 1939 г. В Познани вообще больше чувствовалась потребность и необходимость общих действий Польши и Чехословакии против угрожающей опасности соседней Германии. Как раз из Познани раздавались голоса, говорящие за польско-чехословацкую унию (сторонником которой был вышеупомянутый инженер Кьерски). Также в Чехословакии продолжали работать польско-чехословацкие клубы — в Праге, Брно и даже в Остраве, хотя и из здешнего клуба в 1934 г. выступили члены польского консульства и некоторые тешинские поляки.

Хотя и в 30 гг. режимы Болгарии, Польши и Югославии становились фашистскими (полуфашистскими), все-таки появлялись здесь новые попытки основать „всеславянские общества“ и пропагандировать „всеславянское движение“. В Югославии и в дальнейшем пропагандировал „всеславянскую идею“ русский эмигрант Л. Машковский, который в 1934 г. редактировал журнал „Слово“ (орган общества „Всеславянская мысль“). Этот журнал издавало белградское „Славянское общество друзей философии, науки и искусства“, которое ставило себе целью изучать „славянский дух“ и стремилось разработать идеологию „всеславянского движения“.³⁰ Также в Польше, где внешняя политика находилась под влиянием гитлеровской Германии и где некоторые идеологи проповедывали новую кампанию против „России“,³¹ возникали новые попытки оживления „всеславянской деятельности“. Осуществлять ее должно было общество „Związek Wszechsłowiański“, основанное в 1933 г. и близкое правящим кругам Польши. В первых брошюрах так называемой Славянской библиотеки доказывался тезис о том, что Польша — это посредник отношений между Востоком и Западом и поэтому не может быть однозначно „славянской“! Было это, как видно, странное „всеславянское общество“!

Последовательно „всеславянски“ относился поляк Й. М. Мусиалек, который в 1933 г. в Познани издал книгу с названием „Słowianie. O zjednoczenie narodowe i państwowe Słowianszczyzny“. „Объединение“ славян должно было стать основой общего литературного славянского языка! Не существуют, де, чехи, поляки, словаки, русские, сербы и т. д. — а „существуют только славяне“; также нет Польши, России, Чехословакии, Югославии и Болгарии, а есть только одни неразделимые и объединенные славяне! Здесь нельзя заниматься содержанием этой работы, автор которой обещал издать еще II том (об истории славян) и III том (о „славянском языке“). Здесь перепутано все: праславянская „демократия“, католичество, национализм, антинемецкий шовинизм и т. д.

Более трезво понимало славянскую идею общество „Związek Słowiański“ (первоначально „Związek Wszesłowiański“), которое с 1936 г. возобновило издание журнала „Ruch Słowiański“ (вместе с познанским Польско-чехословацким обществом). Этот журнал, довольно скромно оформленный, ставил себе целью информировать о славянских народах, правильно при этом предупреждая об „общем враге, немецком империализме“. Славянский союз хотел распространять идею сближения славянских народов, конечно, прежде всего „на основе интереса польского народа, на основе его исторической роли и значения среди славянских народов“.³² „Ruch Słowiański“ отмечал разные выступления польских деятелей или же организаций за дружбу Польши с славянскими странами. Так, например, журнал „Nowy ustrój“, орган общества „Legion Młodych Frakcji“ в 1936 г. требовал изменения польской политики по отношению к Чехословакии следующими словами: „Польское общество мечтает об изменении нашей политики по отношению к Чехии . . . , польское общество не хочет, чтобы судьба польского меньшинства за рекой Ользой была использована такими политиками, которые копируют Генлейна, Глинку и Коновальца.“ Инженер Кьерски писал 1937 г. в журнале „Ruch“: „Поляки и жители Чехословакии вынуждены по велению истории создать пока возможно теснейший союз для обороны. Это вытекает из общей национальной опасности, которой для поляков и чехов являются немцы.“³³ Подобным образом призывал к сотрудничеству славянские народы и, прежде всего, Чехословакию и Польшу политический деятель оппозиции В. Витос.³⁴

С точки зрения Польши (державы!) рассматривал идею славянского сближения также генерал в отпуске — Л. Желиговски, член правительственного блока, который в вильнюсской газете „Słowo“ (в сущности своей германофильской и монархической) требовал, чтобы Польша стала во главе славянских народов (в роли их „естественного защитника“) и стремилась создать блок всех малых государств между Советским Союзом и Германией. Возвращение к славянской идеологии должно было бы стать — утверждал Желиговски — новой страницей польской истории, всего славянства и всех негерманских народов центральной и восточной Европы. Также в Югославии и Болгарии указывала оппозиционная печать на опасность нового немецкого „Drang nach Osten“ и требовала в разных формулировках, чтобы с этой опасностью боролись славянские народы сообща. Официальная печать, однако, тогда — во второй половине 30 гг. — отстаивала профашистскую и пронацистскую линию.

„Slovanský přehled“, который в 1938 г.³⁵ писал о вышеупомянутых выступлениях за „славянскую солидарность“, называл их „чисто академическими, не имеющими практического значения“ (что касается режима славянских государств) и видел в них только „первые лучи пробуждающегося славян-

ского сознания". Мы думаем, что дело касалось, действительно, робких выступлений против официальной политики правительств Польши (в воззрениях Желиговского одновременно отражается идеология „великодержавной“ Польши), Югославии и Болгарии. Добавляем, конечно, что дело касалось выступлений буржуазного общества, в котором нельзя было ожидать точного анализа международной обстановки и точного определения целей идеи славянской солидарности.

Славянофильские настроения продолжали существовать после 1933 г. также в Чехословакии. Импульс для издания специальных „славянских журналов“ (1933—1935) исходили, вероятно из кругов национально-демократической партии. Приведенные журналы печатали нереальные воззрения на „практическую славянскую политику“. Иллюстрированный журнал „Slovanský obzor“ и журналы „Pochodeň Slovanstva“, „Slovanská spolupráce“ и др. в большинстве случаев вскоре прекратили свое существование.³⁶ Публицисты, сторонники так называемого „республиканского понимания славянской идеи“ (см. далее) с полным правом высмеивали разные „славянские игрушки“, как, например, призывы младоболеславского общества „Slovanské sdružení“ к учреждению „славянских комитетов“ и к организации съезда представителей этих комитетов (подобно тому предлагал организовать „славянские объединения“ также вышеупомянутый Мусиалек).

Трудно сегодня обсудить, принимало ли вообще общество разные лозунги славянской взаимности, сотрудничества и т. п., и если да, то как оно их встречало. С одной стороны, нам известно большое количество докладов о славянском вопросе (30 гг.), но, с другой стороны, мы читаем о неудачных попытках издавать „славянские журналы“. Еще в 1935 г. жаловались публицисты, сгруппировавшиеся вокруг правительства, на небольшой интерес чехословацкого общества к специальным журналам, которые занимались славянской проблематикой. Сопоставим теперь эти жалобы А. Магра и Я. Славика с заметкой журнала „Slovanský přehled“ (1936) о „заметном подъеме сотрудников и подписчиков журнала Praha—Moskva“ (издаваемого Обществом для культурных и экономических связей с Советским Союзом), которым, повидимому, не мешает тот факт, что жизнь в Советском Союзе описывается с беспрестранным восхищением“. „Slovanský přehled“ также знал „о постоянном распространении журнала конкуренции Svět Sovětů“.³⁷ Не надо, наверно, добавлять обширный комментарий к этой конфронтации жалоб „республиканских славян“, дополняя данные о подъеме числа подписчиков журнала „Praha—Moskva“ и „Svět Sovětů“. Эти два журнала призывали чехословацкий народ на борьбу против заграничного и отечественного фашизма и стремились создать самый широкий фронт борьбы всех демократических сил не только славянских государств, но

также революционных сил других народов во главе с Советским Союзом.

В течение 1935—1938 гг. также „республиканские славяне“ осознают опасность фашистской Германии, угрожающей славянским народам. Ян Славик в целом ряду статей, печатавшихся в культурно-политических журналах³⁸ и, в конце концов, также в самостоятельной брошюре „Německý postur proti Slovanům a jeho sudetský agent“ (1938) обращал внимание на цели нацистского пангерманизма и даже положительно оценивал действия Советского Союза, направленные против современного нацистского „Drang nach Osten“.

Серия статей Славика, опубликованная в журнале „Slovanský přehled“ („Slované a vznik Velkého Německa“, „Polsko, Sovětské Rusko a Československo“ — 1938) относится, несомненно, к тем выступлениям чехословацкого славянофильства в публицистике, в которых были высказаны самые серьезные соображения о смысле и потребности славянской взаимности, как лозунга обороны и призыва к борьбе против агрессивной опасности нацистской Германии. Славик в своих вышеупомянутых статьях реагировал прежде всего на журнальные дискуссии о „славянской идее“, которые в Чехословакии стали появляться с весны 1938 г., когда немцы захватили Австрию. Некоторым, очень доверчивым, славянофилам и, главным образом, очень скептическим критикам возможного „славянского сотрудничества“ Славик объяснил классовые моменты, которые сблизили Польшу с Германией и вызвали ее античехословацкое отношение. Славик правильно отрицал проявления разочарования тех сторонников славянской взаимности, которые понимали славянскую идею как результат языкового родства славянских народов, и тех насмешливых скептиков, которые считали идею взаимности химерическим толкованием романтических мечтателей. Он знал бесполезность советов, которые привели бы поляков и болгар „к славянскому согласию“; речь шла не о народах вообще, а об общих классах, об антагонизме между польскими господствующими классами (которые установили фашистский режим) и Советской Россией или же буржуазно демократической Чехословакией. Славик верил, что также в Польше, в конце концов, поймут, что „империя Сталина для всякого славянского государства менее опасна, чем империя Гитлера“ и что развитие Советского Союза позволит и, „в конце концов принудит славян создать единый фронт“ против опасности нацистского „Drang nach Osten“.

К сожалению, осуществлению этого фронта борьбы против фашизма предшествовала чехословацкая трагедия в Мюнхене („15“ марта 1939 г.), разгром Польши (сентябрь 1939 г.) и вероломное вторжение нацистских войск в Югославию (апрель 1941 г.) и в Советский Союз (июнь 1941 г.). Надо, однако, сказать, что Славик высказал цитированный прогноз нехотя.

Сам несколько раз сомневался в искренности интереса Советского Союза к Чехословакии и после сентября 1938 г. он помогал распространять клевету о том, что Советский Союз якобы не был намерен помочь Чехословакии.

* * *

Мы познакомились с тем, как после войны в Чехословакии и в других странах отражалась в разных „славянских программах“ вера в восстановление „конституционной России“, вера, которая мешала признанию Советского Союза. Отношение Чехословакии, Польши, Югослави и Болгарии к Советскому Союзу было вражеским, хотя и советское правительство стремилось установить дипломатические экономические связи с этим государствами сейчас же после их возникновения или же после окончания войны.

Советский Союз, само собой разумеется, не развивал и не мог развивать во внешней политике „славянскую ориентировку“ — он искал выхода из окружения в Европе заключением договора с Германией в Рапалло 1922 г. (новый „договор о дружбе и нейтралитете“ был заключен в 1926 году и в 1931 г. договорено его продление). Западнонемецкая литература (напр. В. Gebhardt „Handbuch der deutschen Geschichte“, IV) объясняет эти советско-немецкие договоры общими территориальными интересами Советского Союза и Германии по отношению к Польше. В действительности, однако, это были политические деятели, солдаты и представители монополий Германии, которые уже в 20 гг. подготавливали „ревизию“ восточной границы, соприкасающейся Польши, Австрии или же Чехословакии. В 1927 г. был в Германии издан сборник „Das Problem des Anschlusses“, в котором была опубликована карта немецкой „средней Европы“, включающая Австрию, чехословацкие пограничные территории, западную Польшу, далее части Швейцарии, Бельгии и Голландии и, наконец, также части Венгрии, западной Румынии и северной Италии.

Что касается отношений Советского Союза к отдельным славянским государствам, их можно сжато подытожить следующим образом. Чехословацкая буржуазия принципиально отрицала советские предложения на заключение дипломатических отношений с СССР. Бенеш в своей статье „Úvahy o slovanství“ признаёт, что советские представители комиссариата внешних дел напоминали ему при переговорах в 1922 г. также о славянских интересах, но чехословацкая буржуазия признала Советский Союз только *de facto*. Существовали торговые переговоры с советскими торговыми представителями, однако, результаты заключенных договоров были незначительными. Впрочем, и некоторые буржуазные экономисты и капиталисты Чехословакии требовали расширения торговых отношений Чехословакии и Советского Союза.³⁹ Только в 1934 г. чехословацкое правительство признало Советский Союз также *de iure*.

К нашему удивлению стремление Советского Союза встретили отклик в Польше (конечно, уже в 1922—1924 гг. заключил Советский Союз соглашение с Германией, Англией и Италией), которая, вопреки своей, явно выраженной, антикоммунистической направленности внутренней и внешней политики, вела в 1925 г. переговоры с Советским Союзом относительно торгового договора. Внутренние экономические затруднения а также то, что польское правительство опасалось немецкой реваншистской политики, принуждали Польшу искать связи на Востоке. Советское правительство пошло затем Польше навстречу. Однако, отношения польского правительства к Советскому Союзу не были искренними и, когда советское правительство продолжало свои торговые и политические отношения с Германией (в духе своего стремления обеспечить социалистическое государство), использовала Варшава новые антисоветские угрозы. Польское правительство придерживалось поочередно политики „коректного отношения“ (в 1928 г. — переговоры о новом торговом договоре, в 1929 г. — подписание пакта Келлога) и участия в антисоветском империалистическом фронте (в 1930 г. стали на Западе думать о Польше, как о плацдарме против Советского Союза). Советское правительство, однако, и в дальнейшем стремилось к дружескому решению взаимных отношений с Польшей и предлагало польскому правительству заключить договор о ненападении; последний, действительно, был в 1932 г. подписан. Однако, потом стало известно о переговорах польского посланника Липского в Берлине и о подписании договора между Польшей и гитлеровской Германией (январь 1934 г.). Польская печать не скрывала антисоветской политики своего правительства и писала, что Польша — это барьер против „большевистской заразы“.

И еще один раз произошел „поворот“ по внешней политике польского правительства, которое, встревоженное требованиями (1938) автономии со стороны национальных меньшинств (как отклик на решение — после сентября — Чехословакией отношении к словакам и закарпатским украинцам) предложило Советскому Союзу заключить новый договор (подписанный в ноябре 1938 г.), который рассматривался (по крайней мере прогрессивными слоями общества) как стремление помешать посягательству Германии на Украину. И на этот раз не были переговоры польского правительства искренними — летом 1939 г. оно полагалось на помощь Запада.

Менее сложно развивались отношения между Болгарией и Советским Союзом. Болгарское правительство было ориентировано антисоветски и мешало торговым связям с Советским Союзом. Вызвал, поэтому, удивление тот факт, что летом 1934 г. установились дипломатические отношения между Болгарией и Советским Союзом. Болгарское правительство приняло предложения Советского Союза на обмен посланниками. Установление дипломатических отношений встретили с одобрением как официальные

ноты, так, главным образом, широкие круги общества Болгарии и Советского Союза. Однако, с 1935 г. стало болгарское правительство продолжать свои антисоветские отношения. Советское правительство предлагало также Югославии установить дипломатические отношения. Югославская буржуазия, однако, от предложений отказалась и в Малой Антанте (30 гг.) отстаивала резкий антисоветский курс.

Официальные отношения Чехословакии (до 1934 г.), Польши, Югославии и Болгарии к Советскому Союзу не отражают, само собой разумеется, действительные воззрения народа этих государств на Советский Союз. Впрочем, даже вопреки всем препятствиям вступали буржуазные экономические и, главным образом, культурные деятели Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии в отношения с советскими людьми и с советской жизнью. Также многие буржуазные политики и, главным образом, представители торговли и промышленности требовали установления дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. Некоторые из этих буржуазно-демократических деятелей интересовались Советским Союзом одновременно как страной трех славянских наций. Возникали также разные общества и союзы, которые ставили себе целью установить отношения с „Новой Россией“. В Чехословакии такое общество (Общество для культурного и экономического сближения с Новой Россией) было основано в 1924 г.⁴⁰

Конечно, в то время как в Чехословакии это общество принимало — с точки зрения организации — какую-то форму прогрессивного русофильства, в других странах выступали за дружбу с „новой Россией“ только отдельные лица. В Югославии интересовался Советским Союзом и лучше всех познакомился с его жизнью вышеупомянутый Штепан Радич, известный русофил и славянофил. Интересное происшествие рассказывает о нем югославский публицист В. Вильдер. В 1928 г. в Белграде читал К. Крамарж лекции на свою любимую тему — т. е. о „славянской измене“, но Радич тогда на публичной лекции отрицательно отнесся к его антисоветским клеветам. Радич „не дал в обиду большевиков, так как он любил Россию“.⁴¹ Правду о „России“, о Советском Союзе распространяли в Югославии также писатели Мирослав Крлежа и Аугуст Цесарец.

В 1932 г. известный польский буржуазный политик Р. Дмовски писал: „Мощная Россия — это ключ к польской и европейской безопасности!“⁴² Инженер Т. Блешчиньски, один из участников делегации экономических и культурных деятелей, которая посетила Советский Союз, в 1932 г. издал книгу (переведена также на чешский язык) с подходящим названием „Více pravdy o Sovětech“,⁴³ в которой обращал внимание на тот факт, что гитлеризм вынуждает сближение Польши с Советским Союзом. В чешском издании этой книги (1933) можно читать: „Пусть современная Россия

является демократической или же диктаторско-коммунистической, все-таки она — страна славянского большинства, в которой начинают уже появляться тенденции здорового русского патриотизма, который при измененных условиях может вылиться в славянскую идею, опирающуюся на другие основы и стремления, чем раньше. Это приказ времени, чтобы Чехословакия и Польша в рамках возможности поддерживали хорошие отношения с советским Востоком“.

В то время как в Чехословакии, Польше, Югославии и Болгарии в кругах буржуазно-демократических политиков еще в 1932—1934 гг. недооценивалась опасность немецкой агрессии и в то время как некоторые политические круги или же прямо правительства устанавливали отношения с нацистами, советское правительство сейчас же после января 1933 г. предупредило об экспансивных целях гитлеровской дипломатии. Советская печать в 1933 г. писала в адрес Польши: „Оборона Гдыни — это оборона Ленинграда!“ В центральных советских журналах — Правде и, главным образом, Известиях — появились статьи, анализирующие тенденции немецкого „Drang nach Osten“. Как известно, на XVII съезде Коммунистической партии Советского Союза открыто указывали на угрозу немецкой фашистской агрессии, направленной на славянскую „более низкую“ расу. Анализировалась книга Гитлера „Mein Kampf“ и книга Розенберга „Mythus des XX. Jahrhunderts“, разоблачались планы немецких империалистов по отношению к Советской Украине и т. д.⁴⁴

Советская дипломатия ответила на фашистскую опасность усиленным стремлением к осуществлению дипломатических отношений и заключению союза с государствами, находящимся под угрозой немецкой агрессии. Мы уже сказали, что польское правительство, хотя и вело переговоры с Советским Союзом и заключило с ним в 1932 г. договор о ненападении, все-таки с 1934 г. польско-советские отношения ухудшились — в ущерб Польши и остальных государств центральной и восточной Европы. Успешными оказались стремления советской дипломатии в Болгарии, где осуществление дипломатических отношений болгарско-советских „встретили в восхищении“. Болгарское правительство было тогда вынуждено пользоваться при обмене телеграммами даже следующими словами: „Королевское правительство, верное великой дружбе, которая соединяет русский и болгарский народы . . .“ Когда советский посланник отдавал в Софии верительные грамоты („23“ ноября 1934 г.), газета „Мир“ написала: „Какое бы правительство ни руководило Россией, для Болгарии останется она навсегда благодетелем; и всему болгарскому народу восстановление отношений с Советским Союзом принесло облегчение.“ Журнал „Македонское слово“ называл тогда Россию „духовной матерью“ и верил, что также Югославия установит

отношения с Советским Союзом, что могло бы обозначать новую фазу в развитии славян.⁴⁵

Интерес к Чехословакии получил в Советском Союзе выражение в манифестации чехословацко-советской дружбы во время визита чехословацких журналистов (1934); тогда советская печать писала о „братских славянских народах“. Журнал „Naše doba“ отмечал, что „Чехословакия является сегодня в России самой популярной страной...“ Нельзя считать, поэтому, случайным или же неожиданным (как насмешливо утверждает Г. Кон⁴⁶) тот факт, что Литвинов в январе 1935 г. напоминал о родственных отношениях между славянскими народами и что в мае 1935 г. был подписан чехословацко-советский союзный договор. Тогда советский журнал „Известия“ в своей передовой статье написал, что у чехословацкого народа существуют старые, традиционные связи с Россией. Далее здесь говорится: Один из чешских буржуазных политиков — Крамарж — когда-то сказал, что единственным оплотом независимости Чехословакии было бы восстановление старой России, так как Советский Союз не способен осуществлять панславистскую политику. Немецкая фашистская пресса опять иронически высказывалась о том, что Советский Союз восстанавливает старую царскую панславистскую политику. Мы, думаем — говорится в Известиях — что старая царская панславистская политика была идеологическим прикрытием агрессивной царской политики на Балканском полуострове и в центральной Европе. Советский Союз не стремится ни к какой бы то не было агрессивной политике, ни к маскировке последней. Он опирается на международную, а не на расовую, солидарность. Однако, если немецкий фашизм, стремясь замаскировать свою агрессивную политику, создает теорию, которая утверждает, что славянские народы — это навоз истории, то Советский Союз, который не занимается никакими панславистскими маскарадами, не скрывает, что он считает оборону славянских народов, которым угрожает нападение, не менее обоснованной и заслуживающей поддержки, чем оборона Франции.⁴⁷

Советская печать все чаще занималась немецкой агрессивной политикой и ее идеологией о „неполноценной славянской расе“. Советская наука отвечала на эти грубые клеветы восстановлением славистики в Академии и в университетах. Интерес Советского Союза к славянским делам все время повышался. С явным удовольствием писал об этом в журнале „Slovanský přehled“ Э. Парма в статье „SSSR a slovanská vzájemnost“, в которой главным образом подчеркивалась дружба Советского Союза с Чехословацкой Республикой и его готовность в любое время оказать Чехословакии помощь в борьбе против немецкого нападения. „Чехословакия имеет, следовательно, все доводы к постоянному укреплению и расширению своих отношений с этой самой мощной и в сущности славянской державой.“⁴⁸

Советский Союз не обманул доверия чехословацкого народа. Известную правду о его готовности оказать Чехословакии помощь, если она потребует ее (буржуазные публицисты-эмигранты стремятся эту правду опровергнуть), подтверждает обзор советской печати от сентября 1938 г. Газеты „Правда“ и „Известия“ посвятили тогда чехословацким проблемам почти третью часть своего содержания.⁴⁹

В Югославии, хотя и правительство предложения Советского Союза об установлении дипломатических отношений не приняло, но оппозиционная печать предупреждала об опасности немецкого продвижения в центральную и восточную Европу. Буржуазный хорватский журнал „Nova Evropa“ выражал опасения над тем, что при „революционном продвижении“ Германии на Восток „завтра — что бы в Москве ни происходило — взоры малых славянских народов могли бы вновь, как этому было при габсбургской монархии, повернуться к России“. Опираясь, повидимому, на настрояние демократического общества Болгарии, софийский корреспондент румынского журнала „Le Moment“ в статье о роли современного „панславизма“ (под которым подразумевалась славянская солидарность) написал: „Если бы те, кто сегодня угрожают существованию Чехословакии, слышали во всех столицах всех славянских государств решительное слово о том, что их граница — это граница в Крушных горах, обдумали бы хорошо свое намерение развязать какую бы то ни было военную авантюру. Такие слова сейчас же бы покончили с мечтой Германии о некой изоляции Чехословакии“. Автор статьи преувеличивает возможности Югославии, Польши и Болгарии; но все-таки с признательностью сегодня читаем в цитированном журнале о том, что румынское общество готово было симпатизировать определенным выступлениям за солидарность славянских народов, самостоятельность которых находилась под угрозой „разных империалистов“.⁵⁰

* * *

Победа Великой Октябрьской революции освободила силу народных масс славянских и других наций; в центральной и юго-восточной Европе развилось поистине „мощное народное движение“. Совсем понятным является тот факт, что в Чехословакии, Польше и, главным образом, у балканских славян в революционные 1917—1920 гг. нельзя не отметить момент народного или же революционного русофильства, которое главным образом в Чехословакии явилось одновременно славянофильским. С полным правом представители марксистского левого крыла (1920) в полемике с антисоветскими „славянофилами“ Крамаржем и в Словакии Шробаром утверждали, что наследником демократического содержания традиции славянской взаимности является революционный пролетариат,⁵¹ который, по примеру

русских революционеров, хочет также построить самую высшую форму общественного строя — социализм.

Прогрессивное содержание русофильства или же славянофильства позволяло З. Неedly правильно понимать развитие России после 1917 г. Отношение З. Неedly к революционной России привело его также к революционному рабочему движению. Неedly наверно не был единственным примером такой формы развития политического убеждения. Неedly уже в 1919 г. боролся против клевет Крамаржа о том, что „Россия не оправдала надежд“ и писал: „А разве не именно Россия совершила своей революцией величайший акт освобождения всей войны, результаты которого испытали как раз мы. .?“ Сейчас же в первые послевоенные годы указывал Неedly на значение „борьбы русского народа за новый общественный строй“. В более поздней своей статье „České rusofilství“ (1925) Неedly приводит доказательства того, в чем чехословацкое отношение к Советскому Союзу (Неedly пользовался термином Советская Россия) продолжает традиции чешского русофильства и почему это русофильство в Чехословакии так важно: потому, что „от конца 15 века наверно впервые мир смотрит к славянскому народу как к тому, кто опередил его и кто показывает ему путь“. И именно в этом Неedly устанавливал смысл „нового понимания славянской идеи“. В другой статье „Slovanství“ (1927) видел Неedly „действительную славянскую политику“ прежде всего в том, что народы русский, украинский и белорусский в Союзе Советских Социалистических республик приобрели равноправие и что вместе друг с другом сотрудничали. Он видел ее также в усилиях славянских революционеров, которые по примеру Советского Союза стремились создать подобный союз равноправных народов, балканской федерации! Неedly, само собой разумеется, знал, что в Болгарии господствует реакционный режим, но одновременно он знал силу болгарских коммунистов а знал болгарскую молодежь; он знал, таким образом, „действительную, молодую живую Болгарию“. Неedly живо интересовался также остальными славянскими народами и верил в их настоящее и будущее. Он знал, что народ этих наций живет революционными мыслями, что он стремится создать социалистическое общество. Поэтому Неedly высмеивал чехословацких „запатентованных славян“, которые не хотели признать, что главные славянские народы „не просят уже Европу позволить им благосклонно их существование, не просят дать им строй и учреждения, поношенные и изношенные, господами а, наоборот, эти народы показывают путь к более высокой свободе, лучшей, чем та, которую знал старый мир“.⁵²

Неedly, хотя и уже с конца 20 гг. состоял членом Коммунистической партии Чехословакии, все-таки свои воззрения на русофильство или же славянофильство чехословацкого народа и на содержание „действительной

славянской политики" произносил как ученый, как патриот и поклонник славянских народов Советского Союза. Он говорил о них в разных докладах и, между прочим, также на почве „Общества для культурного и экономического сближения с Новой Россией“.

Членами этого общества могли состоять люди разных политических интересов; к сотрудничеству записались также некоторые капиталисты. Разрастающаяся на Западе с конца 20 гг. антисоветская кампания принуждала Коммунистическую партию Чехословакии создать (на основе импульса международного конгресса друзей Советского Союза, Москва 1927) „Союз друзей СССР“. Союз друзей СССР был основан в 1930 г. как международная организация всех трудящихся, которые с симпатиями относились к Советскому Союзу, к его могучему строительству — к социализму. В условиях национального состава жителей Чехословакии нельзя было сомневаться в том, что партия видела в Советской России прежде всего социалистическое государство.

Коммунистическая партия Чехословакии как партия революционного пролетариата всех национальностей в Чехословацкой Республике в своем отношении к Советскому Союзу стремилась прежде всего показать контрреволюционный характер антисоветских травлей западников и „друзей славян“. Для коммунистов был, поэтому, Советский Союз не „славянская страна“, а социалистическое государство десятков наций, которое служит примером всем народам. Понятно, что авторы некоторых статей, печатавшихся в журнале „Komunistická revue“ (1924—1925) высмеивали утопическую веру Крамаржа в восстановление „конституционной славянской России“, что остроумно указывали на несбыточную веру чехословацких публицистов, сгруппировавшихся вокруг правительства, в французскую „симпатизирующую славянам политику“ и что разоблачали жонглерское понимание „славянской идеи“ Бенешем в рамках его концепции включения Чехословакии в систему французского империализма.

Коммунисты стремились в своем объяснении отношений чехов и словаков к Советскому Союзу прежде всего разоблачить антисоветские интриги чехословацкой буржуазии. Поэтому также они осуждали польские империалистические намерения. Брненская газета „Rovnost“ правильно указывала в 1923 г.: „Польский захват восточной территории с украинскими и белорусскими жителями толкает польских господ на ненависть против Советской России, хотя и именно русская революция способствовала восстановлению польской самостоятельности.“ Преждевременно, однако, коммунистическая „Rovnost“ в начале 1924 г. питала надежду, что „южные славяне, прежде всего Югославия, установят регулярные отношения с большой восточной славянской империей, так как желает это югославский народ“.⁵³

Симпатии рабочего класса Чехословакии к борьбе югославского, болгар-

ского и польского народов в 20 и 30 гг. и помощь Чехословакии польским, болгарским или же югославским коммунистам, которые находили поддержку у чехословацкого партийного и демократического общества, мотивировались прежде всего с позиций пролетарского интернационализма. Эту помощь оказывали чехословацкие рабочие-революционеры также коммунистам и антифашистам Германии, Венгрии или же Австрии. Было, собственно говоря, немислимым то, чтобы коммунисты 20 и начала 30 гг. отвечали на опасность немецкого, венгерского или же итальянского фашизма какими-либо лозунгами славянской взаимности. Отрицательное отношение Коммунистической партии Чехословакии к разным „славянским программам“ нельзя искать в лозунгах диктатуры пролетариата, которые существовали в партии еще в 1934 г.; его надо искать в антисоветском содержании буржуазных „славянских программ“ и в правильной ориентировке чехословацкой коммунистической партии в борьбе против всех форм уродливого буржуазного национализма. Некоторые буржуазно-демократические публицисты (главным образом члены национально-социалистической партии), хотя и часто писали о „пангерманской агрессивности“ соседней Германии, все-таки, разжигая чешский шовинизм, они не помогали обороне Чехословакии. Впрочем, не только коммунисты, но также Ф. Кс. Шальда и даже некоторые молодые левые члены партии аграгив в период 1934—1935 гг. обращали внимание на тот факт, что чехословацкий шовинизм иногда помогал развитию немецкой (генлейновской) ирреденты.

Коммунисты, само собой разумеется, сознавали опасность нацистского „Drang nach Osten“. В целом ряду статей в газете „Rudé právo“, в журнале „Tvorba“ и в других, издаваемых или же руководимых коммунистической партией, обращалось внимание на „воскресение белокурой бестии“, „военного духа Германии“, „нового пангерманизма“, на нацистские изречения о „чешском вопросе“ и т. д. Здесь можно подтвердить тот факт, что коммунисты последовательнее всех разоблачали подготовку нацистов к захвату Чехословакии и к походу „на Восток“. Одновременно, однако, коммунисты отказывались от лженаучных аргументов национально-социалистических или же национально-демократических публицистов о „мистицизме немецкой души“ и т. п. Курт Конрад в своей рецензии книги Р. Вольфа (майора чехословацкой армии) „Válečný duch Německa“ (1935) упрекал автора в неправильном отождествлении агрессивной философии немецкой буржуазии с мнением всего немецкого народа. Конрад здесь правильно указывает на то, что нельзя бороться против нацистского пангерманизма по примеру французских шовинистов первой мировой войны.⁵⁴

Конрад здесь, однако, несколько преувеличивает, утверждая, что подобные работы как, например, приведенная книга Вольфа, служили только „милитаризации“ и шовинизму чехословацкой реакции. Вообще часть

коммунистических публицистов относилась к оценке некоторых явлений (например, к развитию советского патриотизма в период 1933—1935 гг.) слишком аккуратно. Когда, например, Иржи Бенеш написал в журнале „České slovo“ (1934), что „в России зародился новый патриотизм, который способен преодолеть даже непреодолимое“, коммунистическая газета „Haló povínú“ утверждала, что „о национальной идее нельзя в Советском Союзе говорить“. Обоснованным оказалось, конечно, недоверие коммунистов к буржуазно-демократическим политикам и писателям, которые, хотя и одобряли чехословацко-советский договор, все-таки не рекомендовали „односторонне расхваливать Советский Союз“. Или же наоборот публицисты, сгруппировавшиеся вокруг правительства, писали в 1935 г., что „Сталин искренний; с ним можно договориться“, но, конечно, „без посредничества коммунистов“.⁵⁵ Коммунисты поэтому не прекращали критику политики Бенеша, который рассматривал союз с Советским Союзом условно и в зависимости от Запада.

Коммунисты высмеивали как национальных демократов, так также национальных социалистов, которые до выборов в 1935 г. утверждали, что они борются за „действительно славянское чехословацкое государство“. Иногда, однако, напрасно толковались воззрения части чешской или же словацкой печати о „славянской России“ с явно антисоветской точки зрения. Под этими понятиями, в сопоставлении с терминологией Крамаржа и ему подобных, подразумевал чехословацкий народ совсем другое содержание. Вообще некоторые коммунистические публицисты недооценивали или же неправильно толковали сознание родства славянских народов. Также часть трудящегося народа еще (или же именно) в 30 гг. видела в Советском Союзе государство самого большого славянского народа, которому также угрожает нацистский „Drang nach Osten“, но которое, кроме того, способно эту опасность отклонить. Следовательно, произошло какое-то недоразумение, когда Фучик, отвечал на некоторые высказывания буржуазной печати о причинах победы коммунистов в выборах (Прага и другие города), еще в 1938 г. иронизировал над „сенсационной славянской теорией“; тогда, помимо другого, писали, что победа коммунистов в выборах в городской совет является своего рода проявлением симпатий чешского народа к нашему союзу с „славянской Россией“.⁵⁶

Коммунисты, однако, правильно толковали классовое содержание судето-немецкой, польской, словацкой или же венгерской фашистской ирреденты, на которую можно было отвечать не чешским (или же „славянским“) шовинизмом, а борьбой даже против отечественного (чешского) фашизма. Возможности антигитлеровских действий немецкого пролетариата несколько преувеличивались; все-таки, однако, в основном оказался правильным и необходимым их принцип, требующий общих действий против гитлеров-

ской опасности вместе с антифашистами и демократами всех национальностей Чехословакии. При этом коммунисты постепенно стали различать чешский национализм и чешский патриотизм средних городских и деревенских и, собственно говоря, также рабочих слоев. Тот факт, что партия стала во главе борьбы за оборону республики и за сохранение мира, за равноправие национальных меньшинств и против отечественных фашистов, подтвердил, что коммунисты таким образом „вновь обращаются к самым лучшим традициям чешского народа, к героической и мощной свободной армии гуситов и к старым традициям демократизма легионерских войск“.⁵⁷ В. Копецкий в статье „28. říjen a hrozby Třetí říše“ призывал в журнале „Tvorba“ по случаю 19 годовщины возникновения Чехословакии к прочному единству чехословацкого народа, единству, которое обеспечит существование Чехословакии как „непоколебимого утеса мира“. Коммунисты, хотя и в дальнейшем стремились в сотрудничестве с коммунистическими партиями соседних государств к антифашистскому единству народов стран центральной Европы (Дунайский бассейн), все-таки одновременно реагировали на антиславянский расизм немецких нацистов. Б. Шмерал считал необходимым (летом 1938 г.) обратить внимание газеты „Rudé právo“ на развитие пангерманизма от прошлого столетия вплоть до нацизма. С полным правом он ссылаясь на опыт Палацкого в борьбе против тогдашнего пангерманизма.⁵⁸ Не удивило, поэтому, когда при пропаганде общих действий Чехословакии и Польши вместе с Советским Союзом против немецкого нацизма появилась также мысль о славянской солидарности. Говорил о ней Вацлав Копецкий на манифестации, организованной 31 июля 1938 г. Коммунистической партией Чехословакии в городе Тржианец. Его слова о потребности „славянского фронта советско-чехословацко-польского“ против немецкого фашизма⁵⁹ с восторгом приняли чешские и польские участники манифестации, на которой партия мобилизовала (подобно тому как летом 1938 г. в целом ряду других городов) чехословацкий народ на борьбу и оборону республики.

* * *

Трагические события осени 1938 г., хотя и доказали „славянскую разобщенность“ в официальных отношениях между славянскими государствами, все-таки, с другой стороны, свидетельствовали о великих симпатиях трудящегося народа Югославии и Болгарии и Польши к чехословацкому народу. Движение за оборону Чехословацкой Республики в Югославии и проявления протеста в Болгарии против мюнхенских сделок, свидетельствуют о демократических настроениях народов этих стран с полуфашистскими режимами; они свидетельствуют также о наличии идеи славянской соли-

дарности в сознании трудящегося народа славянских стран.⁶⁰ В Югославии состоялись многочисленные манифестации на оборону Чехословакии уже в мае 1938 г. (как ответ на сообщения о частичной мобилизации в Чехословакии). Тысячи югославов предлагали тогда свою помощь чехословацкой армии. Когда затем, в сентябре 1938 г., объявили в Чехословакии мобилизацию, приходили опять в чехословацкую миссию тысячи и тысячи югославов, желая уйти в Чехословакию и бороться бок о бок, плечом к плечу с ее народом против немецких захватчиков. Не случайно инициаторами и организаторами этих проявлений солидарности к Чехословакии были коммунисты.⁶¹ Также в Болгарии были в сентябре 1938 г. отмечены проявления симпатий Чехословакии и многочисленные болгары хотели включиться в состав чехословацкой армии. Когда чехословацкие граждане, работающие в Болгарии, уезжали, софийский журнал писал: „Да здравствует славянская солидарность“!⁶² Против фашистской политики правительства Бека выступали в подполье польские коммунисты с лозунгами необходимой солидарности польского и чехословацкого народов. Также в некоторых буржуазно-демократических кругах критиковали античешскую политику Бека. Катовицкий журнал „Polonia“ требовал в начале сентября 1938 г., чтобы в Польше проводилась политика славянской солидарности.⁶³ Против такого воззрения, однако, сейчас же выступила официальная печать. Буржуазно-демократическая оппозиция позволила запугать себя.

После сентября 1938 г. многие чехословацкие „славяне“ изменили свое отношение. Хотя и высказывались мнения о том, что в ограниченной „Чехословакии“ осуществится, может быть, славянская взаимность между чехами, словаками и закарпатскими украинцами, были это необоснованные иллюзии. Официально „славянская идея“ в чешских странах и в Словакии исчезала. Правительство Берана создало из „малой, но нашей республики“ вассала гитлеровской Германии.

Также в Польше прекращались симпатии к „славянской идее“. Польские славянофилы, хотя и в конце 1938 г. писали в своем журнале „Ruch Słowiański“ о находящемся под угрозой славянстве, одновременно радовались, что в Чехословакии после сентября 1938 г. принял перевес католицизм.⁶⁴ Фашизирующие режимы Польши, Югославии и Болгарии успокаивали общество, которое с полным правом опасалось дальнейшего продвижения гитлеровской Германии „на Восток“. Они не смогли, однако, помешать проявлениям симпатий или же сочувствия к чехам и словакам в марте 1939 г.

Демократические студенты высших учебных заведений в Софии „15“ марта 1939 г. даже объявили трехдневную забастовку как протест против оккупации Чехословакии. „16“ марта состоялась по импульсу студентов-коммунистов манифестация солидарности перед зданием чехословацкого

посольства. Студентов на эту манифестацию (которую полиция разогнала) приглашали листовки с лозунгами: „Все на оборону славян и на борьбу против немецкой оккупации малых народов!“ Подобные лозунги (оборона славян) можно читать и слышать также в других выступлениях софийских студентов — апрель и май 1939 г. Также социал-демократический депутат А. Москов в своем выступлении в „народном собрании“ говорил о сочувствии чехословацкому народу и боролся за арестованных софийских студентов.⁶⁵

В Польше отозвался известный генерал Желиговски, который „18“ марта 1939 г. в польском сейме обращал внимание на опасные последствия потери самостоятельности „двух братских славянских народов, чешского и словацкого“.⁶⁶ Надо оценить также помощь польских людей, которую они оказывали чехословацким гражданам при их бегстве из захваченной родины и при организации чехословацких добровольческих отрядов. И события ноября 1938 г. (захват Тешинской области) не могли, следовательно, помещать мысли о чехословацко-польской солидарности. Чехословацкий народ ее проявил в сентябре 1939 г., когда коммунистическая партия издавала в свет листовки с лозунгами: „Все на помощь польскому народу!“ Словацкие коммунисты призывали тогда солдат: „Мы не будем бороться против Польши, поляки — это славяне, наши друзья!“⁶⁷

Коммунистическая партия Чехословакии сознавала, что необходимо будет за границей (главным образом в Америке) работать также по линии антигитлеровского единения славянских народов: помимо чехов и словаков, жителей Закарпатской Украины и поляков и южных славян...⁶⁸ Коммунисты, само собой разумеется, не хотели ограничивать сотрудничество угнетаемых народов только славянами, а стремились добиться объединения всех народов центральной Европы на основе антигитлеровской коалиции, включая также и немецких и австрийских, или же венгерских антифашистов.⁶⁹ И в дальнейшем, однако, коммунисты объясняли чехословацкому народу, что „не только классовый вопрос рабочего класса, но также национальные интересы всего народа неотъемлемо связаны с Советским Союзом“. А в Чехословакии верили в Советский Союз — в „Россию“, как это подтверждают также сообщения властей протектората.

ЗАМЕЧАНИЯ

¹ K. G a j a n, Německý imperialismus a čs.-sovětské vztahy, 113.

² M a s a r y k, Slovanstvo po válce, 32.

³ H. R a u s c h n i n g, Mluvil jsem s Hitlerem, Praha 1946.

⁴ Для славянских народов были политические сдвиги (1918) в общем благоприятными. Только часть их членов оставалась под чужим господством. В Германии остались мил-

лион-полтора миллиона поляков и несколько тысяч чехов. В Румынии насчитывали украинцы 600—800 000 лиц. За границей Югославии жили приблизительно четверть миллиона словенцев и хорватов (в Италии приблизительно 500 000, в Венгрии — 150 000 и в Австрии — 100 000). Далее было установлено, что послевоенная, так называемая Немецкая Австрия насчитывала почти 300 000 чехов и также столько словаков жили опять в Венгрии (конечно ни чехи, ни словаки не создавали сплошной территории с своими народами в Чехословакии). Также славянские государства после 1918 г. включали славянские национальные группы — в большинстве случаев против желания этих национальных групп. Польша заняла на востоке территорию с 5 миллионами украинцев и с 1 миллионом белорусов. В Советском Союзе остались приблизительно половина миллиона поляков. Вследствие разделения Тешинской области остались на стороне Чехословакии приблизительно 100 000 поляков. В Польше опять жили несколько десятков тысяч чехов в Вольнской области и немногие словаки в Спичской и Оравской областях. Созданием так называемой Закарпатской России из Закарпатских жуп довоенной Венгрии в качестве полуавтономной области в рамках Чехословакии включились в Чехословакию приблизительно 400 000 украинцев. Югославия получила после войны дальнейшую часть Македонии, половину миллиона жителей которой болгары считали составной частью своего народа.

Новые славянские государства (в том числе и Румыния) включали многочисленные национальные группы даже соседних неславянских государств. В чешских странах остались внутри исторической границы свыше 3 миллионов немцев (т. е. жителей довоенной Австрии), в Польше насчитывали 1,3 миллиона немцев. Чехословакия, Югославия (в том числе и Румыния) включали и в дальнейшем многочисленные венгерские группы (в Словакии и в Закарпатской Украине около 750 000, в Югославии почти 500 000 жителей).

Приведенные цифры — это средние числа из статистик, авторы которых стремились дать или большие, или, наоборот, меньшие числа жителей национальных меньшинств.

⁵ Beneš, *Slovanský přehled* 1925.

⁶ Крамарж выразился, что после войны „грустно было поглядеть на славян“. (*Od-kaz dra Kramáře*, II, 167.)

⁷ J. Kozeński, *Rokowania polsko-czechosłowackie 1923—1933*. (*Przegląd Zachodni* 1962/2.) — St. Stanisławska, *Wielka i mała polityka Józefa Becka*, Warszawa 1962.

⁸ Цитаты польской, югославской и болгарской печати об отношениях между славянскими народами регулярно публиковал журнал „*Slovanský přehled*“.

^{8a} *Rovnost* 21. 10. 1921, *Schůze komunistických stran podunajských a balkánských zemí*.

⁹ См. некоторые статьи в полуофициальной публикации *Idea Československého státu*, II, Praha 1936 и в журнале „*Slovanský trh*“.

¹⁰ О деятельности этих лиг и другие информации о чехословацко-югославских отношениях см. в журнале „*Československo-jugoslávská liga*“.

¹¹ J. Kozeński, *Polsko-Czechosłowackie Towarzystwo Przyjaźni*, *Przegląd Zachodni* 1960/2.

^{11a} O. Bartoš, *Čs.-polské kulturní vztahy ve 20. století*. (*Z dějin čs.-polských vztahů*, 88.)

¹² Z. Urban, *Z dějin česko-bulharských kulturních styků*, 84.

¹³ О польских студентах в Праге мы узнаем из их журнала „*Pochodnia*“ (*Organ rewolucyjnej młodzieży akademickiej z Polski*), который издавался в Праге (1930—1931). — О болгарских прогрессивных студентах в Праге и в других местах см. цитируемую работу З. Урбана.

- ¹⁴ B. Smolařová-Čapková, Stručný přehled dějin Slovanstva, Praha 1935, 10—11.
- ¹⁵ См. статьи А. Ираска (Naše doba 1919), Йос. Шусты (Venkov 1920), Йос. Пагы (Osvěta 1921), И. Червенки и В. Вочадло (Nové Čechy 1922—1923), А. Гайна и др.
- ¹⁶ K. Kramář, Ruská krize (Praha 1921); Obrana slovanské politiky (Praha 1926); Odkaz dra Karla Kramáře I, 8—II, 67—71.
- ¹⁷ Slovenská politika 1924, № 206—210.
- ¹⁸ T. Ivanová, Pomer poprevratovej buržoázie k myšlienke slovanskej vzájomnosti (Historický časopis 1960/2—3, 437).
- ¹⁹ B. Dvořák, Unie všeslovanská (Apoštolát sv. Cyrila a Metoděje 1933, 132).
- ²⁰ Slovan 1. 12. 1923, 12. 7. 1923 и другие выпуски. — В 1927 г. известный политик национально-социалистической партии Иржи Стржибрный создал оппозиционную „славянскую партию национально-социалистическую“.
- ²¹ E. Beneš, Úvahy o slovanství (Praha 1947), 232.
- ²² J. Vozka, Agonie panslavismu, Nové obzory III, № 1.
- ²³ С. Маслов, После мировой войны (Sveslovenski zbornik. Spomenica o tisućgodišnjici Hrvatskoga kraljevstva, Zagreb 1930, 204).
- ²⁴ Govor R. Košutica na vanrednom kongresu Sveslovenske Omladine, Beograd 1924. — Т. Крајничанас, Slaveni u današnje doba i bliži karakter nichog ujediněňa, Skopje 1929. Сообщения об обеих книгах см. в журнале „Slovanský přehled“, 1926, стр. 73 и 1930, стр. 158.
- ²⁵ Slovanský přehled 1934, 282.
- ²⁶ La Bulgarie 24. 10. 1927 (Slovanský přehled 1927, 687).
- ²⁷ Slovanský přehled 1932, 132.
- ²⁸ Slovanský přehled 1932, 30—31.
- ²⁹ Slovanský přehled 1936, стр. 280. — Правильно здесь приводится, что предпосылкой этого является применение в Болгарии „доброй воли“.
- ³⁰ Slovanský přehled 1936, 107.
- ³¹ Studnicki, System polityczny Europy i Polski, Warszawa 1934.
- ³² Ruch Słowiański 1936, № 1, „Nasze cele i dążenia“.
- ³³ Ruch Słowiański 1936, 61; 1937, 219.
- ³⁴ Št. Stanislawska, Wielka i mała polityka Józefa Becka, 112.
- ³⁵ Slovanský přehled 1938, 5.
- ³⁶ „Славянская идея“ и в дальнейшем продолжала жить в разных выступлениях и журналах. Национальные социалисты перед выборами в 1935 г. заявляли: „мы хотим государство действительно славянское“ и обещали углублять отношения к „славянской России“. Партия национальной демократии издала в 1936 г. репрезентативную публикацию „Idea československého státu“, в которой утверждалось (II часть), что „на долю славян в Европе выпадет ведущая роль в области культуры, экономики и господства (Drachovský. Naše politické úkoly ve slovanstvu). Существовала уверенность в осуществлении „славянских экономических задач“ и в „руководящей функции“ Чехословакии „при создании экономических благ в промышленности и в сельском хозяйстве славянских народов“ (Й. Э. Шром).
- ³⁷ Slovanský přehled 1936.
- ³⁸ В национально-социалистическом журнале Sobota (1936, 409) Ян Славик опубликовал статью „Rozprava o českém děsu z Německa“, в которой он отвечал на противочешские угрозы нацистской прессы угрозами „панславизма“. Если судетские немцы хотят понасть в Германию, что чехи могли бы объединиться с поляками и с Россией и таким образом заходили бы они все небольшой территорией в Германию не в качестве малого народа, а в качестве составной части „великой федерации славянской“. Это,

- наверно, вразумило бы немцев, что лучше граничить с ЧСР чем с великой восточно-европейской федерацией. — Для Славика самого была, конечно, подобная идея „о блоке“ с Россией — т. е. с Советским Союзом! — мало приятной.
- ⁸⁰ Z. Konečný, Příspěvek k hospodářskému vztahům čs.-sovětským, Sborník prací Filosofické fakulty UJEP, С 7, 253—270.
- ⁴⁰ О деятельности Общества а также Союза друзей СССР см. публикацию „Pro zemi milovanou“. Z dějin bojů o čs.-sovětské přátelství, Praha 1960.
- ⁴¹ Odkaz dra K. Kramáře II, 211.
- ⁴² R. Dmowski, Świat powojenny i Polska, Warszawa 1932.
- ⁴³ T. Bleszczyński, Więcej prawdy o Sowietach, Warszawa 1932.
- ⁴⁴ С. Богдаренко, Германский фашизм и Советская Украина, Киев 1934 г.
- ⁴⁵ Slovanský přehled 1934.
- ⁴⁶ Г. Кон изображает этот интерес к славянской идее в Советском Союзе как доказательство „сталинского национализма“, который де „признателен, вероятно, в многих отношениях победе гитлеровской Германии“. Кон хочет этим косвенно доказать, что Сталин подражал Гитлеру. В действительности дело касалось реакции советского общества на нацистскую опасность.
- ⁴⁷ Известия 17 мая 1945 г., стр. 1 (Slovanský přehled 1935, стр.). В 1936 г. газета Sobota написала (стр. 826) в введении к статье А. Никофорова, Агрессивные планы немецкого фашизма против Чехословакии (Московская Правда 13 октября 1936 г.): „Сегодня, наверно, мы не можем жаловаться на то, что наше государство в Советском Союзе игнорируют. Пишут о нашей республике многое, больше всего, конечно, о том, каким образом угрожает нам опасность Германии“.
- ⁴⁸ Slovanský přehled 1938, 193.
- ⁴⁹ E. Raisová, Sovietska tlač v Československu v dobe mnichovskej krízy, Slovanský přehled 1961/5, 281.
- ⁵⁰ E. Parma, Záblesky nové slovanské vzájemnosti, Slovanský přehled 1938, 189.
- ⁵¹ F. Gondor, K otázkám štúdia vzťahu slovenského proletariátu k Sovietskému sväzu, Historický časopis 1960/2—3, 434.
- ⁵² Z. Nejedlý, O lidovou republiku I, II; Boje o Rusko.
- ⁵³ Rovnost 12. 4. 1923 („Polsko a Rusko“). — Rovnost 2. 1. 1924 („O přízeň socialistického Ruska“). — Komunistická revue 1924, 22, 220.
- ⁵⁴ Tvorba 1935, 362.
- ⁵⁵ Sobota 1935, 469, 1914.
- ⁵⁶ J. Fučík, Politické články (Praha 1961), 260—285.
- ⁵⁷ Tvorba 5. 9. 1935/36, 586.
- ⁵⁸ B. Šmeral, Historické práce (Praha 1961), 287—288.
- ⁵⁹ Z. Konečný, Revoluční dělnické hnutí v Československu a jeho vztahy k SSSR (Praha 1960), 275—276.
- ⁶⁰ Kvaček—Kořalková, Ohlas Mnichova ve slovanských zemích a mezi krajany, Slovanský přehled 1958, 239.
- ⁶¹ I. Regent—I. Kreft, Progresivna preusmeritev političnega življenja med vojnama v Sloveniji (Murska Sobota 1962), 48.
- ⁶² Jono Mitev, Stávka studentů sofijské university 16.—18. března, Čs.-bulharské vztahy, 195.
- ⁶³ K(omunistyczna) P(artia) P(olski) — Uchwały i rezolucje, III; K. Piwarski, Polsko a Mnichov, Slovanské historické studie V.
- ⁶⁴ Ruch Słowiański 1938/9—10, 161.
- ⁶⁵ Известия на державните архиви (София), 1961, 5.

⁶⁶ P. D u b i e l, Wrzesień na Śląsku (Katowice 1960), 66.

⁶⁷ J. K o l e j k a, Čs.-polské vztahy za druhé světové války, Slezský sborník 1961/4.

⁶⁸ Za svobodu českého a slovenského národa (Praha 1956), 103.

⁶⁹ V. K o p e c k ý, Podunají a středoevropské plány, Tvorba 9. 7. 1937/28.